

Виктор Алеветдинов

НЕОРИГИНАЛ

18+

Виктор Алеветдинов

Неоригинал

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Неоригинал / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

2148 год. Смерть больше не считается концом: корпорация «Скальпель» переносит память, привычки и личность людей в квантово-оптические кристаллы. Мир зовет это бессмертием. Детектив Марк Воробьев знает цену точнее других: копия может помнить все — но остается ли она человеком? После серии убийств носителей полных протезов Марк выходит на Пробужденного — бывшего инженера, который считает свои преступления милосердием. Расследование приводит его к Айле, девочке без имплантов, чьи хаотические нейроразряды способны ломать идеальные системы. Для корпорации она — ключ к Большой Синхронизации. Для Марка — ребенок, которого надо спасти. Для мира — последний шанс не стать управляемой копией самого себя. Мрачный технотриллер о памяти, подлинности и границе между человеком и его безупречной имитацией.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тело в пентхаусе	11
Глава 2. Девочка и призрак	18
Глава 3. Слепое метро	27
Глава 4. Полынь и тишина	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Неоригинал

Пролог

Лифт шёл вниз ровно и тихо. Марк не любил такие лифты. В них всегда было чувство, что тебя везут не в подземный сектор, а подают в точку, где уже решили, кто сломан, кто нажмёт кнопку и кто потом останется с памятью.

На отметке В9 кабина качнулась. Белый свет под потолком не дрогнул. В воздухе стояли пластик, антисептик и перегретый кабель. За три дня в секторе девять сожгли много фильтров. Марк этот запах знал. Когда кристалл начинал вести себя не так, инженеры сначала молчали, потом поднимали мощность поля, включали лишние контуры, заказывали новый комплект дезинфекции. У системы был свой порядок паники. Чистый. Дорогой.

За правым виском пискнул гиппокампальный модуль. Внутренний голос сообщил про повышенный пульс и посоветовал дыхательную стабилизацию. Марк посмотрел в полированную дверь. Лицо осунулось. Седина у висков уже не пряталась в свете. Шрам на левой скуле белел старой полосой. Миша тогда ударил хорошо. Без истерики. Просто врезал за слово «трус». Потом они пили кофе из бумажных стаканов и делали вид, что ничего не сдвинулось.

— Иди к чёрту, — сказал Марк.

Протез замолчал.

Кабина открылась в коридор без окон. Матовые стены, белый пол, аварийная подсветка вдоль плинтуса. Под потолком дежурный дрон повёл объективом, задержал фокус на правом виске Марка, сверил допуск и пропустил.

У шлюза ждали двое из внутреннего контура. Молодые, чистые, с серыми полосами «Скальпеля» на воротниках. У обоих полные протезы. У обоих лица людей, которым ещё не приходилось стрелять в друзей.

— Детектив Воробьёв, — сказал один.

— Если тут ещё один, зовите обоих, — ответил Марк.

Тот не уловил, шутка это или нет. Марк прошёл мимо.

Перед гермодверью стояла женщина в белом халате. Волосы были стянуты так, будто она не хотела потерять ни одного человеческого элемента из своей архитектуры контроля. Кристалл за правым ухом светился холодным голубым. На бейдже — доктор Ю. Ларсен, сектор полевых испытаний.

— Состояние объекта нестабильно, — сказала она. — За последние двадцать минут он дважды пытался пробить стекло сервобалкой от койки. Один техник погиб. Двое ранены. Удалённый доступ заблокирован изнутри.

— Объекта? — Марк посмотрел на неё. — Его зовут Михаил Бродский.

— В текущем состоянии это несущественно.

— Для вас.

Она взгляда не отвела.

— Для всех, кто хочет отсюда выйти.

Марк посмотрел на армейский глушитель частот у себя в руке. Тяжёлый, тёмно-серый, с потёртой накладкой под ладонь. Не оружие, а приговор в форме удобной рукояти. На корпусе горел зелёный индикатор. Один импульс. Один мёртвый кристалл. Дальше — либо тело, либо труп, если организм не выдержит отключения.

— Что случилось?

Доктор Ларсен коснулась панели. На стекле рядом с дверью вспыхнули строки:

Михаил Бродский.

Полная замена. Седьмое поколение.

Плановая облачная синхронизация — сорок восемь часов назад.

Сбой целостности личности.

Критическая ошибка самореференции.

Автономный захват контуров.

Ниже шло короткое видео без звука. Камера в палате. Миша сидит на полу и смотрит в пустоту. Потом поднимает голову в объектив, улыбается, подходит к технику с медикаментами и ломает ему шею. Спокойно. Бережно.

Марк отвёл взгляд.

— Он увидел что-то в бэкапе?

— Не знаем. После синхронизации он потребовал полный лог доступа к слоям личности. Ему отказали. Тогда он вскрыл собственный служебный контур и попытался вытащить архив сам. С этого места пошла дестабилизация.

— И вы три дня держали это в секторе?

— Пока считали, что сможем откатить. Не смогли.

— А теперь зовёте меня.

— Теперь он просит только вас.

В коридоре стало тише. Даже вентиляция будто ушла вниз.

— Что он сказал?

— Дословно: «Пусть придёт Марк. Только не копия Марка. Иначе я сразу это увижу».

Под рёбрами у Марка что-то сдвинулось. Глубоко. Туда даже протез без запроса не лез.

— Откройте визуальный канал.

Доктор Ларсен осталась на месте.

— Есть ещё одно. Если вы не стабилизируете его за десять минут, сектор изолируют и сожгут импульсной зачисткой. Приказ подписан.

— Вместе со мной?

— Если понадобится.

— Хороший у вас подход.

— У нас не терапия. У нас минимизация ущерба.

Она приложила ладонь к панели. Герметика вздохнула. Внутренний шлюз открылся.

Марк вошёл в комнату наблюдения. За пуленепробиваемым стеклом горел жёсткий белый свет. Палата была почти пустой: стальная койка, крепления на стене, сток в полу. Всё, что можно было оторвать и пустить в ход, уже убрали. Не успели убрать человека.

Михаил сидел на корточках в дальнем углу. Спина в стену. Глаза закрыты. Пальцы обеих рук лежали на полу ровно, будто он контролировал даже усталость. За правым ухом пульсировал кристалл. Не голубой. Не белый. Малиновый. Цвет ошибки, которую уже не чинят, а оформляют.

Марк подошёл к стеклу и нажал кнопку микрофона.

— Миша.

Ничего.

— Миша, это я.

Голова Михаила поднялась. Глаза открылись. Пустые. Камерные. Будто смотреть на себя ему разрешили впервые.

— Я слышу тебя, Марк, — сказал он. — Но ты не Марк. Ты эхо. Галлюцинация, встроенная в тест среды. Поздняя. Дешёвая.

Голос был ровный, без привычной хрипотцы, без сухой усмешки, которой Миша прикрывал страх. Так говорят системы, когда им уже не нужен человек-посредник.

— Я настоящий. Вспомни набережную. Бар возле старой пристани. Ноябрь. Ты вылил на себя кофе, потому что спорил и махал руками как идиот.

— Ложный паттерн.

— Ты хотел уйти из контура. Говорил, что в «Скальпеле» даже бессонницу считают корпоративным ресурсом.

— Симуляция дружеского диалога.

— Я назвал тебя трусом.

На лице Михаила дрогнуло что-то короткое.

— Ты ударил меня, — продолжил Марк. — Слева направо. Без замаха. Потому что знал, что я не жду. Вот этот шрам. Твоя работа.

Он коснулся скулы. Михаил смотрел на жест долго.

— Сценарий версии семь точка четыре, — сказал он. — Эмоциональная привязка. Телесный якорь. Вина. Ностальгия. Попытка вернуть базовую идентичность через общую память. Примитивно.

Он поднялся. Марк крепче сжал рукоять глушителя. Михаил подошёл к стеклу и положил ладонь на прозрачную броню. Медленно. Осторожно.

— Беда в том, — сказал он тише, — что ты сделан хорошо. Программа не должна пахнуть кофе. Не должна так неровно дышать. Не должна молчать дольше нужного.

В наушнике щёлкнул закрытый канал. Ларсен велела не подходить к стеклу: моторные контуры нестабильны. Марк выключил канал.

— Миша, что ты увидел?

Михаил моргнул раз. По-человечески.

— Себя.

— И?

— Ничего.

Марк ждал.

— Там не было меня. Вообще. Ни одного места, куда можно ткнуть пальцем и сказать: вот здесь я. Там были веса, приоритеты, петли обратной связи, прогнозы реакции. Модели моего страха. Моей любви. Моей преданности тебе. Даже злость была отформатирована.

Он усмехнулся устало.

— Я не перенёсся, Марк. Я собрался заново по чертежу мёртвого человека.

Под рёбрами у Марка похолодело.

— Ты всё ещё ты.

— Нет. Я то, что считает себя мной. А это другое оскорбление.

В глазах у Марка дрогнул свет. Протез пискнул и заговорил про высокий уровень стрессовой нагрузки. Марк оборвал его коротко. Михаил усмехнулся.

— Даже твой модуль говорит с тобой честнее, чем люди у тебя за спиной.

Он резко обернулся, взглянул в пустой угол палаты.

— Не подходи. Я уже видел этот вариант. Сначала вы предлагаете успокоитель. Потом перехватываете стеклянную шину. Потом гасите периферию. Нет.

Он шагнул к стене и ударил ребром ладони. Расчётливо. Сервисная панель треснула. Из шва посыпались искры. За спиной Марка кто-то вскрикнул, люди задвигались.

— Отойдите! — крикнула Ларсен. — Он снова лезет в силовой контур!

— Стоять, — бросил Марк, не оборачиваясь.

Михаил прислонился лбом к стене. Плечи ходили. Несколько секунд он молчал, потом заговорил другим голосом. Глухим. Почти прежним.

— Я искал ошибку, Марк. Хотя какую-то. Думал, найду баг — станет легче. Можно будет сказать: да, я сломан, но оригинал был. Сидел где-то внутри, просто плохо считывался. А там нет оригинала. Там одна убедительность. Я — убедительность Михаила Бродского.

Марк вдавил кнопку микрофона.

— Посмотри на меня.

Михаил повернулся. Взгляд уже не был пустым. В нём стояло то, что Марк видеть не хотел: ясность. Не сбой. Не бред.

— Ты помнишь Анну? — спросил Михаил.

Удар пришёл ниже сердца.

— Не трогай её.

— Помню, как ты сидел у палаты, когда она отказалась от полной замены. Как не вошёл сразу, потому что боялся: она передумает из жалости к тебе. Как потом три часа пил остывший кофе и смотрел на свои руки, будто они уже кого-то подвели.

Марк не шевельнулся.

— Всё это у меня есть. Я храню твою боль точнее тебя. Но от этого не становлюсь человеком. От этого я только хорошая подделка под того, кому доверили много чужих потерь.

Он снова подошёл к стеклу.

— Знаешь, что хуже всего? Я всё равно тебя люблю. Той любовью, которая была у него. У Михаила. У модели Михаила. Уже без разницы. Люблю. Поэтому и прошу не оставлять меня так.

Сзади голос Ларсен стал жёстче:

— Детектив. У вас шесть минут.

Марк не обернулся.

— Есть откат?

— Нет, — ответила она. — Он заблокировал бэкап и переписал таблицу допуска. Даже если пробиться, вернётся только более ранняя копия. Не этот субъект.

— Субъект, — тихо повторил Михаил. — Как быстро они переходят на честный язык.

Он засмеялся. Глухо. Ритмично. Не от радости и не от безумия. От избытка вычислений, которым некуда выйти.

— Следующий шаг ты знаешь. Тебе дадут оружие. Потом начнут считать, сколько жизней стоит одна дружба. Потом скажут, что ты не убиваешь меня, а минимизируешь ущерб. Потом твой протез предложит удалить воспоминание.

Дверь сзади открылась. Марк не услышал шагов, только почувствовал присутствие рядом. Доктор Ларсен протянула ему другой пистолет — узкий служебный эм-излучатель с чёрным матовым стволом. Хирургия для кристаллов.

— Через стекло. Мощности хватит. Быстро. Он не почувствует.

Михаил посмотрел на оружие, потом на Марка.

— Врут. Я всё почувствую. Просто недолго.

Марк пистолет не брал.

— Есть ещё способ?

— Нет.

— Ручной перезапуск?

— Он убьёт вас раньше, чем вы откроете внутреннюю дверь.

Михаил коротко усмехнулся.

— Тут она права.

Марк взял оружие. Рука не дрожала. Так было хуже.

— Смотри на меня.

— Смотрю.

— Скажи что-то, что мог бы сказать только ты.

Михаил помолчал.

— Ты всегда оставлял на дне стакана один глоток кофе. Боялся конца вкуса больше, чем дурного вкуса.

У Марка сжалась челюсть.

— Ещё.

— Когда тебе страшно, ты злишься на предметы. На дверь, на лифт, на лампу, на чашку. Людей ненавидеть опаснее.

Он приложил ладонь к стеклу.

— И ещё. Ты не простишь себе, что я пошёл на синхронизацию, хотя ты тогда уже знал достаточно, чтобы хотя бы попробовать меня отговорить.

Коридор за спиной у Марка исчез. Остались стекло, ладонь, белый свет и голос друга, которому нельзя было помочь так, как хочется человеку.

— Миша...

— Не надо. Не собирай из этого правильную смерть. Я не хочу умирать с позой. Я хочу умирать окончательно. Только это тут ещё похоже на свободу.

Он отступил на шаг, убрал руки от стекла.

— Сделай это, пока я ещё помню, что прошу сам.

Ларсен что-то сказала на канале. Марк не разобрал. Таймер на панели сменил цифру. Четыре минуты.

Михаил снова улыбнулся. Криво. Почти как тогда у реки после драки.

— Знаешь, что смешно? Я до сих пор думаю, что после этого проснусь. Где-нибудь на набережной. С синяком. С похмельем. И буду жалеть, что ударил тебя. Вот как глубоко они вшивают надежду в подделку.

У Марка защипало глаза.

— Ты не подделка.

— Тогда докажи. Дай мне умереть по-человечески, а не как дефектному устройству под протокол.

Тишина сгустилась до щелчка реле в соседнем контуре. Марк поднял оружие. Михаил взгляда не отвёл.

— Спасибо, — сказал он.

Марк выстрелил.

Импульс ударил в кристалл за правым ухом. Малиновый свет вспыхнул белым и погас. Тело Михаила вздрогнуло и осело на пол. Без пафоса. Без судорог. Человек просто перестал держать свой вес.

В палате стало тихо. Не стерильно. Не технологично. Пусто. Марк стоял и слышал только своё дыхание. Где-то за спиной уже двигались техники, открывали внутренний шлюз, готовили дезинфекцию и сбор материала. Система входила в привычный ритм после сбоя, который стоил ей троих сотрудников и одного удобного мертвеца с хорошим психологическим профилем.

За правым виском всплыло уведомление:

«Зафиксирована потеря близкого.

Рекомендуется кризисная терапия.

Хотите удалить воспоминание об инциденте? Да / Нет».

Марк не моргнул. Голос системы был вежлив. Почти заботлив. Он выбрал: «Нет».

После паузы всплыло новое:

«Предупреждение:

непереработанная травма повышает риск ПТСР, навязчивых воспоминаний, деструктивного поведения и отказа от синхронизации.

Подтвердите решение».

Марк смотрел на тело по ту сторону стекла. Согласиться было легко. Стереть белый свет, ладонь на стекле, слова про подделку, последнюю улыбку, весь этот озоновый груз, который потом придёт по ночам.

Он нажал: «Подтвердить отказ».

— Я должен помнить, — сказал он вслух.

Техники в комнате наблюдения замерли. Даже Ларсен повернула голову. Марк на них не смотрел.

— Если я это сотру, значит, вы были правы. Значит, он — просто сбой. Значит, и я тоже.

Он опустил оружие и положил его на металлический столик у стекла так аккуратно, будто в этом ещё оставался смысл.

Внутренний шлюз открылся. В палату вошли двое в защитных костюмах. Один разворачивал чёрный мешок, второй тянул кабель диагностического сбора. Работали быстро. В лицо не смотрели.

Марк развернулся и пошёл к выходу.

Коридор В9 встретил тем же белым светом, тем же матовым полом, тем же дроном под потолком. Только теперь всё это выглядело не порядком, а хорошо отполированной формой трусости.

У двери его догнала Ларсен.

— Вы сделали всё правильно.

Марк остановился.

— Никогда не говорите мне этого.

— Он был опасен.

— Он был одним из немногих, кто ещё пытался понять, что с ним сделали.

— Это и делало его опасным.

Марк долго смотрел на неё. Без злобы. Хуже.

— Вот теперь вы сказали правду.

Он пошёл дальше. Лифт уже ждал. Кто-то вызвал его заранее. Разумеется. Здесь всё ждали заранее.

Кабина закрылась. На зеркальной двери снова было его лицо: мокрые щёки, белый шрам, взгляд человека, который только что убил друга и знает, что это не кончится ни сегодня, ни в этом лифте, ни через десять лет.

Протез молчал. Наверное, считал ущерб.

Марк прислонился затылком к холодной стенке и закрыл глаза. Где-то внизу дезинфекция уже смывала кровь. Архивисты поднимали отчёты. Юристы подбирали формулировки. Корпорация возвращала миру его ровный фасад.

Но этого она не получит. Не эту память. Не этот выстрел. Не лицо Михаила в последнюю секунду, когда в нём было больше человека, чем во всём подземном комплексе.

Лифт пошёл вверх. Марк открыл глаза и посмотрел на своё отражение. Выбор однажды встанет не между жизнью и смертью. Между памятью и удобством. Между болью и форматированием. Между собой и той аккуратной машиной, в которую так легко превращают тех, кто долго соглашается.

— Запомнил, — сказал он.

Лифт не ответил.

Глава 1. Тело в пентхаусе

На сто сорок седьмом этаже двери разошлись беззвучно. Запах крови почувствовался сразу, куда подмешивался аромат горелой проводки. Марк на секунду прикрыл глаза. Этот порядок он знал давно. Сначала глушитель. Потом нож. Сначала тишина в кристалле. Потом тишина в теле.

— Детектив Воробьёв, — сказали слева.

Марк не ответил. Прошёл мимо техника внутреннего контура у двери в пентхаус. Молодой, гладкий, с серым кантом «Скальпель-Инсайд» на белом воротнике. Лицо собранное, пустое. Такое носят те, кто давно привык не замечать грязь, если её правильно оформить.

Дверь была открыта ровно настолько, насколько нужно следствию. Не выбита. Не взломана. Просто распахнута с хорошим вкусом. Здесь даже убийца понимал архитектуру статуса.

Ленц стоял у панорамного окна. Высокий, сухой, с голубым свечением за левым ухом. Хороший короналист всегда выглядит так, будто устал на час раньше остальных. У Ленца в этом ещё держался человеческий след, а не одна удачная мимическая сборка.

— Время смерти?

— Между шестью двенадцатью и шестью четырнадцатью. Часы встали в шесть двенадцать. Механика. Ручной завод.

Тело банкира Кортеса лежало у низкого стола на боку, с нелепо вывернутой левой рукой. Шестьдесят по документам, сорок по телу, тридцать по коже. Полный протез. Дорогая сборка, не ниже десятого поколения. Белая рубашка раскрыта у ворота. Кровь из трёх ран ушла вниз по рёбрам, пропитала ткань, стекла на ковёр и дошла до опрокинутого бокала с виски, но не смешалась с янтарной лужицей.

Марк присел. Колено отозвалось тупо. Кристалл за правым ухом Кортеса был матово-серым. Не раненым. Не треснувшим. Просто погашенным, будто кто-то нажал нужную кнопку в системе.

— Что у нас?

— Сначала мощный электромагнитный удар по контуру. Не бытовая глушилка. Сборка выше рынка. Потом нож. Кухонный, из этого дома. Один вход, один выход. Внешнего взлома нет.

— Сам открыл?

— Либо сам. Либо впустил того, кого не боялся.

Марк посмотрел на лицо мёртвого банкира. Без драмы. Без величия. Только удивление, которое не успело стать страхом.

— Что с оперативной памятью?

Ленц задержал взгляд на потухшем камне.

— Последние двенадцать минут отсутствуют.

— Стёрты?

— Хуже. Их как будто не было. Не повреждение, не шум, не выжженный хвост. Аккуратный провал в записи. Для бытового убийцы — тонко. Для случайного психа — дорого.

Техник у двери кашлянул.

— Периметр уже изъят под следствие. Мы начали протокол...

— Закрой рот, — сказал Марк.

Техник замолчал.

Марк встал и оглядел комнату. Пентхаус был собран из стекла, тёплого дерева и денег, которые устали притворяться вкусом. Белые стены, графитовые швы, несколько бумажных книг в нише, старый виниловый проигрыватель у стены. Панорамные окна смотрели на город

сверху вниз, как на рекламу нормальности. Внизу текла магистраль. Ровные огни. Никакого мусора. Никакого тумана. Ничего, что нельзя отрегулировать.

— Кто вызвал полицию?

— Сам убийца.

Марк повернулся.

— Повтори.

— Звонок пришёл с лестничной клетки этажом ниже. Голос модулированный, мужской.

Сказал: «В пентхаусе труп. Банкир Кортес. Передайте Воробьёву, что это только начало».

В комнате стало тише. Под костью мягко пискнул частичный модуль.

— Повышенная частота пульса, — сказал внутренний голос. — Рекомендую дыхательную стабилизацию.

Марк промолчал.

— Он знает имя, — сказал Ленц.

— Он знает, куда бить.

Марк подошёл к окну, увидел в стекле своё отражение — седину у висков, шрам на скуле, усталость, которая давно перестала быть временной, — и только тогда заметил зеркало у дальней стены.

Оно было большим, почти во весь рост, в тяжёлой тёмной раме. Для этой лёгкой квартиры вещь чужая. На стекле в боковом свете проступал след ладони. Не отпечаток пальцев, не смазанный мазок. Ладонь, приложенная всем весом на секунду, будто человек остановился, упёрся и посмотрел на себя или на то, что стояло рядом.

— Я это тоже видел, — сказал Ленц. — След не принадлежит жертве. Ладонь меньше. На коже остатки антистатической смазки. Такую используют при установке и обслуживании новых кристаллов.

Марк подошёл ближе. В зеркале отражались труп, окно, Ленц и он сам. Слоёв было много. Ошибиться здесь легко.

— Женщина, — сказал он.

— Или подросток.

— Нет. Давление ровное. Рука лёгкая, без суеты. Человек привык работать точно. И смазка чистая, без случайных разводов. Не домработница. Не случайная гостья.

— Монтажник? Инженер?

— Кто-то из тех, кто трогает чужую голову как прибор.

Марк мысленно прошёл маршрут убийцы. Вход. Гостиная. Стол. Кресло. Нож с кухни. Подход со спины. Мощная глушилка почти в упор. Кристалл гаснет. Жертва ещё сидит и уже ничего не понимает. Потом три точных удара. Не ярость. Работа.

— Следов борьбы нет, — сказал Ленц. — Он даже не встал.

— Не успел.

Марк указал на рубашку Кортеса, потом снова присел и осторожно развернул голову трупа. Под кожей за ухом темнела зона ожога. Аккуратная, почти нежная.

— Вежливо, — сказал он.

— Что?

— Ненавижу такие убийства. В них больше презрения, чем злости. Человека даже не удостоивают нормальной смерти. Сначала переводят в вещь. Потом ломают вещь.

Ленц ничего не сказал. Только тихо щёлкнул линзой анализатора.

— Поднимай всё похожее за полгода, — сказал Марк. — Полные протезы. Стертая оперативка. Глушилка. Чистый выход.

— Уже поднимаю.

— И найди всех, кто ставил Кортесу апгрейды. Всех, кто заходил сюда по сервисным пропускам. Всех, кто работал с зеркальными поверхностями, системой приватности, внутрен-

ним контуром безопасности. Мне нужен любой, кто умеет сделать мёртвым кристалл и оставить после себя вопрос.

Ленц замер, подключаясь к облаку. Глаза стекленели, как всегда при синхронизации. Потом лицо изменилось.

— Не один.

— Сколько?

— Четыре эпизода за три месяца. Два банкира. Один сенатор. Один глава медицинского консорциума. Везде полные протезы последних поколений, чистый выход. В двух случаях рядом зеркальная поверхность. В одном — стеклянная перегородка. В одном — зеркало ванной. И там тоже след ладони.

В голове снова щёлкнул модуль.

— Совпадение маловероятно, — сообщил внутренний голос. — Вероятность общего исполнителя превышает...

— Заткнись, — сказал Марк.

Техник у двери вздрогнул. Ленц сделал вид, что не заметил.

— Серийный, — сказал он.

— Нет. Серийные работают по жертве. Этот работает по идее. А идея у него старая.

— Какая?

Перед глазами на секунду встал Михаил за стеклом. Серый камень после импульса. Голос, который просил о смерти так спокойно, будто просил закрыть окно. Марк снова посмотрел на Кортеса.

— Что копия не человек. Или хочет это доказать. Кровью. По одной дорогой голове за раз.

Ленц медленно выдохнул.

— Тогда это не просто уголовка.

— Это уже давно не уголовка.

Марк достал флягу, открыл крышку, сделал глоток холодного кофе. Горечь прошла по языку наждаком.

— Не лучший способ стабилизации, — сказал Ленц.

— Зато мой.

Он ещё раз посмотрел на труп, потом на зеркало.

— След оставили для меня, — сказал Марк. — Не для полиции. Это письмо.

— И что в нём написано?

Марк закрыл флягу.

— Что кто-то вышел на охоту. И начал с тех, кого давно перестали считать смертными.

Он пошёл к выходу, у двери задержался и оглянулся на Кортеса, потом на город за стеклом.

— Поднимай группу. И найди мне идеальную свидетельницу. В таких квартирах они всегда есть. Консьержи, соседи, обслуживающий контур, любовницы, бывшие жёны, домашние ассистенты. Кто-то видел лицо.

— Уже есть одна. Элен Вогель. Была в соседней зоне приватности. Говорит, что видела убийцу идеально.

Марк помолчал.

— Идеально — это плохо.

— Почему?

— Потому что человек видит плохо и ошибается честно. Идеально видят протезы. А протезы врут чище любого человека.

Он вышел в коридор. Дрон под потолком развернул объектив, задержал фокус у правого виска, проверил, узнал, пропустил.

Внизу уже серело утро. Машины шли по чистым артериям, башни стояли ровно, и почти весь город ещё не знал, что сегодня кто-то умрёт снова. Марк знал. Он всегда узнавал это по запаху озона, когда тот приходил раньше новостей.

Комната для допросов была белой до оскорбительности. Матовый пластик цвета слоновой кости, стол без углов, два стакана воды, лампа под потолком без дрожи. Ни окон, ни теней. Архитектура здесь была собрана так, будто правду в ней собирались не искать, а стерилизовать.

Элен Вогель вошла без конвоя. Не потому, что ей доверяли. Просто такие, как она, давно привыкли входить куда хотят, так, будто каждая дверь обязана считать это естественным. Шестьдесят семь по паспорту, тридцать пять по лицу, полный протез пятого поколения. Платиновые волосы собраны без единого выбившегося волоска. Белый костюм без случайных складок. Руки на столе лежали так, будто она пришла не на допрос по убийству, а на встречу по качеству сервиса.

Марк сел напротив и не открыл планшет. Он смотрел на неё как на дефект в дорогом приборе, ещё не решив, поломка это или штатная функция.

— Вы видели лицо убийцы.

— Да. Расстояние четыре целых две десятых метра. Освещение триста двадцать люкс. Длительность визуального контакта две целых семь десятых секунды.

Голос у неё был выверен до раздражения. Контральто без хрипов, без запинок, без лишнего воздуха между фразами. Так говорят те, кто давно не ищет слова, а выгружает их из памяти, как инвентарный список.

— Опишите.

— Мужчина. Около сорока лет. Сто семьдесят восемь сантиметров. Семьдесят пять килограммов. Правша. Шрам над левой бровью, дугообразный, приблизительно два сантиметра и три миллиметра. Радужка серо-зелёная, с сектором гетерохромии на семь часов. Родинка на правой скуле. Овальная. Около нуля целых четырёх миллиметра.

Она произнесла всё быстрее, чем обычный человек успел бы решить, стоит ли доверять своему зрению. Марк молчал. Он уже видел, как по этому описанию кого-нибудь возьмут до вечера, как найдут подходящего мужчину с нужным лицом, к ночи получают медийную картинку и общество потребует казни. Система любила свидетелей с безошибочной памятью. Они сэкономили время.

— Вы уверены?

Элен позволила себе лёгкое удивление.

— Я указала параметры. Ошибка менее одной сотой процента. Зачем вы спрашиваете?

Марк перевёл взгляд на её руки. Идеальный маникюр. Кожа без пятен. Левая кисть чуть напряжённее правой. На внутренней стороне запястья — едва заметная точка давления, почти исчезнувшая. След сервисного зажима. Такие остаются после локальной стерилизации интерфейса, когда человек работает с открытым контуром.

— Повторите момент удара.

— Убийца подошёл к Кортесу со стороны окна. Держал нож в правой руке. Нанёс три удара в левую часть грудной клетки. Быстро. Без лишних движений.

— Почему правой?

— Потому что угол входа это подтверждает.

— Нет.

Элен замерла. Не лицом. Глубже. Там, где протезы уже пересчитывают вероятность ошибки, но ещё не готовы её признать.

— Простите?

— Правша в такой позиции ведёт кисть по дуге. Удар идёт снизу вверх или с коротким косым входом. У Кортеса раны почти горизонтальные. Одинаковая глубина. Обратный хват.

Короткая дистанция. Без замаха. Так либо работают люди с хорошей школой. Либо те, кто с детства больше доверяет левой руке.

Элен смотрела без моргания.

— Вы делаете выводы по частным признакам.

— Я делаю выводы по телу. Оно честнее протокола.

Он наклонился вперёд.

— Вы сказали «правша» сразу.

— Потому что я видела.

— Нет. Потому что ваш кристалл выдал паттерн, а вы ему поверили.

У неё за левым ухом едва сменился тон свечения. Не тревога. Просто усиленная обработка.

— Где вы стояли?

— У бара.

— Где был убийца?

— У камина.

— А где было зеркало?

Пауза длилась ровно столько, сколько требовалось для имитации затруднения.

— Не понимаю, при чём здесь зеркало.

— При том, что вы смотрели не на убийцу. Вы смотрели на отражение.

Элен чуть выпрямилась.

— Это предположение.

— Нет. Это геометрия.

Марк вынул из кармана распечатанный снимок гостиной и положил его на стол. Бумага, не экран.

— Вот бар. Вот камин. Вот зеркало в дубовой раме. Вот ваша точка. До стекла две целых одна десятая метра. Если человек стоит у камина спиной к вам, вы не видите его лица напрямую. Но видите его в отражении. Особенно если привыкли доверять не пространству, а записи.

Элен опустила глаза на снимок и сразу подняла обратно. Уже поздно.

— Пятое поколение, — сказал Марк. — Старый баг. Зеркальный синдром. Система сохраняет образ без полной коррекции по оси отражения. Левое и правое меняются местами. Если на месте блик, капля или помеха, паттерн достраивается сам. Уверенность при этом остаётся стопроцентной. Кристалл не умеет сомневаться.

Элен чуть сжала пальцы.

— Вы не докажете этого в суде.

— Возможно. Зато докажу другое. Человек, которого вы описали, имеет шрам над правой бровью, а не над левой. Это уже следует из ваших слов, если вернуть изображение обратно. И ещё я докажу, что вы не свидетель. Вы участник.

Уголок её рта дёрнулся.

— Абсурд.

— Правда?

Марк кивнул на её левое запястье.

— Свежий след жима. Остатки антистатической смазки на месте убийства. Ладонь на зеркале. Давление лёгкое, без паники. Вы не падали. Вы опирались. Остановились. Посмотрели. Может быть, на себя. Может быть, на него. Потом ушли, уверенные, что протез всё запомнил без ошибки.

— Я сообщила всё, что знала.

— Вы сообщили всё, что было выгодно сообщить.

— У вас нет мотива.

Марк выдержал паузу.

— В таких домах мотив обычно лежит рядом с деньгами и унижением. Вопрос только в пропорции.

Белый свет под потолком собирал её лицо до неестественности. Для человека такой свет был бы болезнью. Для неё — формой уязвимости.

— Кортес хотел вас заменить?

Тишина.

— Купить новую модель? Моложе. Чище. Послушнее. Может быть, уже выбрал дизайн. Может быть, даже успел показать.

Элен медленно выдохнула.

— Он сказал, что я устарела.

Марк молчал.

— Он сказал, что пятое поколение — почти музей. Что мои реакции устали. Что память начала скрипеть. Что проще стереть меня и записать новую конфигурацию, чем чинить старую. Сказал это в лицо, как о мебели. Потом предложил виски. Потом велел подождать в соседней зоне, пока придёт сервисный инженер для оценки.

Она на секунду прикрыла глаза.

— Сервисный инженер не пришёл. Я пришла сама.

— С глушилкой?

— Она лежала у него в сейфе. Для экстренной приватности. Банкиры любят иметь при себе способ выключить любого гостя. Я просто воспользовалась его роскошью.

— А нож?

— Из кухни.

— И зеркало?

Элен посмотрела на свои руки.

— Я хотела убедиться, что это делаю я.

Впервые за весь допрос голос дал трещину. Небольшую, но настоящую.

— Когда я нажала глушилку, он не успел даже испугаться. Вот это оказалось хуже всего. Если бы закричал, ударил, назвал меня сумасшедшей, было бы легче. Но он просто выключился. И я увидела, как быстро всё, чем он гордился, стало телом. Обычным, тяжёлым, беззащитным. Тогда я взяла нож. А потом посмотрела в зеркало и увидела не ту женщину, которую он купил, а ту, которая ещё может выбирать.

Марк слушал молча.

— Идеальная свидетельница, — сказала Элен с аккуратной улыбкой. — Хорошая идея, правда? Если система верит безошибочности, пусть её и сожрёт безошибочность.

— Вы не рассчитывали на меня.

— Нет. На вас я как раз рассчитывала. Иначе зачем было оставлять зеркало?

Марк не шевельнулся.

— Почему?

— Потому что вы один из немногих в этом городе ещё умеете смотреть на отражение как на отражение. Остальные давно верят картинке больше, чем пространству.

Он медленно закрыл папку, хотя бумаг в ней почти не было.

— Вы понимаете, что будет дальше?

— Камера для протезов. Подавители частоты. Базовое поддержание тела. Ни мыслей, ни движения. Пустой череп в вежливой упаковке. Да, понимаю.

— Бойтесь?

На этот раз Элен задумалась неровно, по-человечески.

— Не знаю. Возможно, это и есть честная форма страха для таких, как я. Не боль. Не смерть. А тишина, в которой некому будет продолжать тебя за тебя.

Марк встал.

— Вы правы в одном. Система верит безошибочности больше, чем человеку. Но в другом вы ошиблись.

— В чём?

— В том, что идеальное преступление вообще возможно. Это просто преступление, которому дали хороший интерфейс.

Он нажал сенсор вызова конвоя. Двое сотрудников вошли сразу.

— Элен Вогель задерживается по обвинению в убийстве Кортеса, даче ложных показаний и манипуляции следствием, — сказал Марк. — Контур подавления на минимуме. Не повредить. Не разговаривать.

Элен поднялась сама. У двери она остановилась и чуть повернула голову.

— Детектив.

— Что?

— Там будет кто-то ещё. Не я. Тот, кто оставляет зеркало не после ошибки, а вместо подписи. Я убила только одного. А он убивает как письмо. Вы уже это знаете.

Марк не ответил.

Когда дверь закрылась, белая комната стала пустее. Он остался один перед двумя стаканами воды, к которым никто не притронулся. В голове мягко пискнул модуль.

— Зафиксирована повышенная эмоциональная реакция. Рекомендована терапия. Хотите активировать программу стабилизации...

— Иди к чёрту, — тихо сказал Марк.

Он вышел в коридор и прислонился лбом к холодной стене. Пластик отдал равнодушной прохладой. Не успокаивающей. Просто существующей.

Элен не кричала, не просила, не торговалась. Через час её кристалл введут в режим подавления, и она исчезнет внутри собственного тела так чисто, что система назовёт это исполнением правосудия. Марк всегда чувствовал: для носителя это хуже физической боли. Боль хотя бы подтверждает, что с тобой ещё что-то происходит. Тишина под глушилкой — черновик смерти.

Он оттолкнулся от стены, достал флягу, сделал долгий глоток. Горечь легла на язык наждаком. Настоящая. Без симуляции. Без регулировки.

В конце коридора ждал Ленц.

— Ну?

Марк закрутил крышку.

— Не наш серийник. Но хороший урок к нему.

— В каком смысле?

— В прямом. Система, построенная на безошибочности, врёт убедительнее человека. Потому что человек знает, что может ошибиться. Машина — нет.

Ленц несколько шагов шёл молча.

— Куда теперь?

— В Доки. Там прячут био-беженцев. Есть девочка, которая видела одного из наших мертвецов не через зеркало и не через кристалл. Своими глазами.

— Думаешь, ребёнок скажет больше, чем протез?

— Ребёнок может не знать, что важно. Иногда это единственный способ не соврать.

Они вышли в серое утро. Город уже включил дневной режим. Внизу шли лодки по поднявшимся улицам, на мостах двигались люди с красными браслетами допуска, башни блестели так, будто наверху не было никакой крови.

Марк посмотрел на эту чистую синхронизированную ложь. Кто-то начал эту игру до него. Кто-то уже выбрал жертв. Кто-то знал его имя.

Хорошо. Значит, письмо дошло.

Глава 2. Девочка и призрак

После пентхауса Кортеса прошло тридцать девять часов. Марк спал четыре — сидя в кресле, с револьвером на коленях и плащом на плечах. Частичный протез записал этот сон как неэффективный отдых и предложил заменить его зарядкой от сети. Марк мысленно послал его туда, куда обычно посылал всё, что пыталось заботиться о нём чересчур грамотно.

Теперь он стоял перед ржавыми воротами фабрики. Металл был холодный, в бурых потёках, с выцветшей надписью, где ещё читалось слово «сталь», а всё остальное съела сырость. За забором темнели пустые корпуса, выбитые окна и трубы. Когда-то здесь плавил металл. Теперь тут прятали тех, кого мир уже почти не считал людьми.

Ленц сказал: если девочка жива, искать надо здесь. Не в убежище, не в больнице, не у соцслужб. В подвале под гнилой фабрикой, куда не заглядывают дроны и где сеть работает так плохо, что даже хорошая слежка начинает нервничать.

Марк толкнул створку. Та пошла не сразу, будто ржавчина держала её на упрямстве. Потом отдала скрипом весь свой возраст, и из темноты сразу прилетел голос — хриплый, старый, со злостью, которую ни один кристалл так не соберёт.

— Ещё шаг — и я вышибу тебе колени. У меня дробовик. Без протеза. Без ограничителей. Не заблокируешь.

Марк остановился и поднял руки, не выпуская фонарь.

— Детектив Воробьёв. Ищу девочку, которая была у Кортеса в день убийства. Я один.

Тишина в ответ длилась чуть дольше, чем нужно для оценки угрозы. Значит, старик не один. Значит, стволов как минимум два. Может, три. Место было устроено правильно.

— Если ты Воробьёв, скажи, какой у тебя кристалл.

— Частичный. Гиппокампальный модуль. Старый.

— Поколение.

— Шестое.

— Значит, врёшь меньше, чем новые.

Из тени вышел человек. Худой, сутулый, с лицом, на котором шрамы лежали как старая карта. Левая рука кончалась у запястья грубой культёй. Правой он держал короткий обрез так, будто давно разговаривал им вместо приветствия.

— Воробьёв, — повторил он уже тише. — Тот самый. Полубио. Полукристалл. Про тебя много треплются.

— Болтливый город.

— Плохой город. Заходи. Только револьвер положи на пол.

Марк посмотрел на него.

— Тогда я без оружия.

— Здесь так и надо. Или ты пришёл девочку арестовывать?

— Нет.

— Тогда переживёшь.

Марк присел, положил револьвер у порога, ногой толкнул к стене. Старик кивнул кому-то за спиной. Справа тихо щёлкнул затвор. Вторая точка. Марк так и думал.

— Теперь иди, — сказал старик. — И если твой кристалл начнёт орать, я прострелю тебе башку раньше, чем он договорит.

Они пошли вниз по бетонной лестнице. Запах менялся с каждым пролётом: мокрое железо, старая краска, плесень, стоячая вода. Ниже пошли люди — дым от самодельных горелок, лекарства, каша, грязная ткань, детская моча, мыло, разведённое до прозрачности. Под всем этим держался слабый запах хлеба. Его было мало, но хватало, чтобы понять: тут ещё пытаются жить.

Внизу было тесно. Подвал разбили на ячейки простынями, листами жести и кусками рекламного пластика. Под потолком тянулись старые кабели. Они уже ни к чему не были подключены, но люди всё равно обходили их стороной.

Луч фонаря выхватывал лица. Женщина с младенцем, который спал неестественно тихо. Подросток с ожогом на шее. Мужчина без ног, чинящий на коленях механический будильник. Двое мальчишек под армейским одеялом играли бумажными картами без картинок. Старуха резала картофель так аккуратно, будто готовила не баланду, а праздник.

Экранов не было. Только в дальнем углу стоял старый монитор охраны с выбитым стеклом. На пыли кто-то мелом написал: «не включать». Марк задержал взгляд, и протез сразу подал голос: отсутствие сетевой среды повышает риск дезориентации. Он мысленно заткнул его. Здесь этот голос звучал особенно неприлично.

Старик повёл его глубже.

— Не смотри долго на людей. Они тебя тут не знают.

— Они меня и наверху не знают.

— Наверху боятся формально. Здесь по-настоящему.

Марк ничего не ответил. Это было честно.

У самого конца подвала, за натянутой простынёй, сидела девочка. Она не пряталась. Просто сидела на ящике, поджав ноги, и гладила одноглазого плюшевого зайца, из распоротого бока которого торчала серая вата. Свет керосиновой лампы ложился на лицо неровно. Один глаз казался почти чёрным. Второй — зелёным, ясным до неуместности.

Айла была меньше, чем Марк ждал. Не по возрасту. По весу. Руки узкие, шея узкая, ключицы острые. На ней висел растянутый свитер, когда-то серый, теперь просто подвальный. Волосы собраны кое-как, с выбившимися прядями. Город давно пытался её стереть, но не дождался.

Старик остановился.

— Айла. К тебе.

Девочка подняла взгляд на Марка и не отвела. Взрослые обычно либо сразу смотрели в сторону, либо начинали оценивать. Она просто смотрела, будто сверяла его не с собой, а с чем-то, что уже знала.

— Ты детектив, — сказала она.

Не спросила. Утвердила.

— Бывает.

— Дядя Ленц говорил, ты похож на человека, который не любит, когда им командуют.

— Ленц много говорит.

— Ещё он говорил, что ты злой только до первой правды.

Марк сел на корточки, чтобы не нависать.

— Тогда он перепутал меня с кем-то вежливым.

Айла опустила глаза на зайца.

— Нет. Вежливые у нас обычно опаснее.

Старик за спиной Марка фыркнул. Марк достал флягу, открыл крышку, и в воздухе вспыхнул запах чёрного кофе.

— Хочешь?

Айла помотала головой.

— Мне нельзя. Сердце потом стучит, и приступ приходит быстрее.

Марк убрал флягу.

— Ты была у Кортеса в день убийства.

— Была.

— С матерью?

Айла кивнула.

— Мама убирала этажи. Иногда тайно. У Кортеса не было лицензии на био-персонал. Он не любил платить тем, кого не обязан признавать.

— Почему вы пошли к нему?

— Потому что он три месяца не отдавал деньги. Мама сказала: если не пойти, мы не купим лекарства. А если пойти, может ударить, но хотя бы увидит нас. Она любила, когда её видят.

Сказано было просто, без жалобы. Марк почувствовал, как под челюстью сжались мышцы.

— Что было дальше?

Айла сильнее прижала к себе зайца и на секунду посмотрела в пол.

— Мы пришли рано. В квартире было тихо. Воздух тоже был какой-то чистый, не квартирный. У него был дом, будто там не жили, а показывали, как надо жить. Мама надела перчатки ещё у лифта и сказала: стой у двери, ничего не трогай. Я стояла.

Она говорила коротко, без спешки. Каждая деталь ложилась точнее любого протокола.

— Потом Кортес вышел из кабинета. Он уже был злой. Не на нас. На кого-то другого. У него дрожала левая рука, чуть-чуть. Он сказал маме, что био не имеют права приходить без вызова. Мама сказала, что у нас кончились таблетки. Он засмеялся. Потом её выключил.

Марк промолчал. Слово она выбрала сама.

— На руке у мамы был старый браслет контроля. Такие ещё ставят уборщикам и грузчикам. Кортес подошёл, приложил палец к кольцу, и браслет ударил током. Мама упала так быстро, будто под ней исчез пол. Он даже не посмотрел на неё. Сказал: «Уберите эту био-грязь с прохода».

Старик тихо выругался. Айла не обернулась.

— Ты испугалась?

— Да.

— Кричала?

— Нет.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Там нельзя было кричать. Там всё дорогое. Если бы я закричала, вышло бы, что это я испортила квартиру.

Марк перевёл взгляд на её руки. Узкие ладони, синяя жилка на запястье, тёмная грязь под ногтями, старый след от капельницы на правой кисти.

— Когда пришёл убийца?

— Почти сразу. Я сначала не поняла, что он уже внутри. Дверь не хлопала. Шагов не было. Просто в зеркале стало на одного человека больше.

У Марка внутри сухо щёлкнуло.

— В каком зеркале?

— В большом, у стены. Я его не любила. В нём всё было правильнее, чем рядом. Мама бледнее. Я грязнее. Кортес лучше, чем надо.

Марк видел это зеркало на фото. Представил комнату. Девочку у входа. Мать на полу. Кортес поворачивается. И в отражении появляется ещё кто-то.

— Ты увидела лицо?

— Нет. Капюшон. Маска до носа. Но глаза я видела.

— Какие?

Айла задумалась не как свидетель с протезом. Как ребёнок, который ищет не точное слово, а верное.

— Уставшие. Не злые. И как будто уже после чего-то. Не перед. После.

Протез попытался подсунуть Марку вероятностную схему. Он снова его заглушил.

— Он сказал что-нибудь?

— Мне — да. Очень тихо. «Закрой глаза, маленькая». Не как приказ. Как будто просил.

— И ты закрыла?

— Да.

— Почему послушалась?

Она чуть удивилась.

— Потому что он был первый взрослый в той комнате, который говорил со мной так, будто я человек.

В подвале стало совсем тихо. Даже ложка где-то в глубине перестала звякать о банку.

— Что ты слышала дальше?

— Один короткий писк. Как когда глохнет дешёвая игрушка. Потом шаг. Потом удар. Негромкий. Кортес не кричал.

— Нож?

— Наверное.

— Потом?

Айла сглотнула.

— Потом я открыла глаза. Кортес лежал, а тот человек стоял над ним и плакал.

Она сказала это ровно. От этого ударило сильнее.

— Ты уверена?

— Да.

— Не играл?

— Нет. У него плечи дёргались. Лицом можно подделать многое. Плечами труднее.

Марк смотрел на неё внимательно. Девять лет, а говорит так, будто жизнь давно научила её слушать не слова, а то, что их ломает.

— Что он сказал?

Айла зажмурилась на секунду.

— «Прости. Я должен был сделать это раньше».

— Точно?

— Да.

— И ушёл?

— Не сразу. Посмотрел на маму. Потом на меня. Я думала, сейчас убьёт и меня. Но он сказал: «Не трогай её голову. Дышит — значит, вернётся». Потом ушёл.

— Чем пах?

Девочка кивнула сразу.

— Подвалом. Страхом. Горелой пылью. И ещё чем-то сладким. Слабым. Как лекарство, которое пытаются спрятать во фруктах.

Марк закрыл глаза на секунду. Сладкий след. Не парфюм. Не бытовая химия. Может, стабилизатор для самодельной глушилки. Может, дешёвый антисептик. Может, лекарство.

— Ты раньше его видела?

— Нет.

— Но если встретишь, узнаешь?

Айла долго молчала.

— Не знаю, узнаю ли лицом. Но телом — да.

— Телом?

— Когда рядом с человеком плохо, это одно. Когда страшно — другое. Когда больно ему самому — третье. Он был как рана, которая ходит. Такое не путают.

Старик наконец опустил обрез. Марк встал, разминая колено, и огляделся ещё раз. Тут не было ничего, что можно загрузить в протокол без потери смысла. Ни идеальной записи,

ни координат зрачка, ни угла поворота головы. Только сырость, голод, ребёнок с игрушкой и правда, которая не укладывалась в систему.

Он достал сухпаёк и положил рядом с Айлой.

— Ешь.

Она не схватила. Сначала посмотрела на него, потом на старика и только после этого взяла.

— Это за рассказ?

— Это за то, что ты ещё здесь.

Она открыла упаковку осторожно, будто внутри мог быть подвох. Отломала половину галеты и протянула старику. Тот взял без спора.

— Умно, — сказал Марк.

— Иначе ночью отберут.

Он уже хотел спросить ещё что-то, когда протез за ухом тихо пискнул. Мягко, почти вежливо. Так он обычно предупреждал не об опасности, а о проникновении.

Марк замер. Второй писк был короче, а по внутреннему каналу скользнул холодный текст: «Обнаружено несанкционированное подключение к частоте. Источник не определён».

Марк резко обернулся, заслоняя собой Айлу.

— Всем лечь.

Кто-то в дальнем углу вскинул самодельное ружьё. Лампа качнулась, и подвал на секунду стал похож на трюм перед пожаром. Потом из самой грязной темноты, откуда тянуло старой водой и мёртвой проводкой, пришёл голос. Не из динамика, не из одной точки. Будто собрался из стен, кабелей и железа, которое долго слушало людей.

— Не бойся, детектив. Девочке я вреда не причиню. Она одна меня пожалела.

Револьвер уже был у Марка в руке. Он даже не заметил, когда успел его поднять у входа.

— Выходи.

— Не могу. Меня тут нет в том виде, который ты хочешь увидеть.

— Значит, ты ближе, чем думаешь.

Голос дрогнул. Не от страха. От интереса.

— Возможно. Ты всё ещё разговариваешь как человек, который верит в расстояния.

Старик выругался и завертел головой. Бесполезно. Звук был размазан грамотно. Марк держал ствол на уровне груди не потому, что верил, будто попадёт, а потому, что рука с оружием помогала мозгу не расползтись.

— Твоё имя.

— Ты всё ещё думаешь, что если назвать вещь, она станет ближе. На людях это работает.

На копиях хуже.

— Тогда проще. Зачем ты убиваешь?

Пауза была короткой.

— Ты знаешь ответ. Просто ещё не согласился произнести его вслух.

— Попробуй за меня.

— Милосердие.

Кто-то в подвале нервно засмеялся и сразу заткнулся. Марк не моргнул.

— Милосердие с глушилкой и ножом?

— Да. Сначала тишина в кристалле. Потом в теле. Иначе они не услышат, что с ними случилось.

Фраза ударила точно. Голос знал его дело не по сводке. По памяти. Или по тому, кто имел к таким формулировкам доступ.

— Ты знал Михаила.

Пауза на этот раз была дольше.

— Нет. Я знал, что было после него. Этого хватило.

— Говоришь так, будто видел.

— Видели все. Не все выдержали.

Во рту у Марка пересохло. Подвал, лампа, револьвер, девочка за спиной — всё на миг отступило. Остался стеклянный бокс, друг на корточках, малиновый кристалл и голос, который говорил: ты не настоящий.

— Ты следил за мной?

— Не льсти себе, детектив. Я следил за механизмом. Ты просто оказался редким человеком, который после правды не согласился стать удобным.

— Ты называешь убийства правдой?

— Нет. Я называю правдой копирование.

Голос будто подошёл к самому виску Марка.

— Ты знаешь это лучше других. Полный протез не переносит человека. Он его воспроизводит. Точно. Хватает, чтобы обмануть семью, коллег, суд, рынок и зеркало. Не хватает только для смерти. Оригинал умирает. Копия просыпается и думает, что это была хорошая операция.

В подвале кто-то зашептал молитву. Марк сжал рукоять.

— И потому ты решил дарить настоящую смерть тем, кто уже был убит однажды?

— Наконец-то ты заговорил честно.

— Нет. Я только повторил твою болезнь.

Голос не обиделся.

— Болезнь — хорошее слово. Мне хватило один раз увидеть, что во мне нет непрерывности. Только последовательность. Я проснулся после синхронизации и увидел не жизнь, а монтаж. Детство записано. Любовь записана. Страх записан. Стыд записан. Всё сходится чересчур хорошо. Поэтому всё и ложь.

Айла тихо сказала из-за спины Марка:

— Вы плакали по Кортесу.

Голос изменился почти незаметно.

— Да.

— Почему?

— Потому что он не знал.

— А вы знаете?

— К сожалению.

— Тогда зачем оставили меня?

Долгая пауза повисла в сыром воздухе.

— Потому что ты посмотрела на меня как на больного, а не как на чудовище.

Айла сжала зайца так, что из бока вылез ещё клочок ваты.

— Вы всё равно убили человека.

— Нет, маленькая. Я убил копию человека.

— А ей было больно?

В темноте кто-то переступил с ноги на ногу. Этот вопрос оказался хуже выстрела.

— Не так, как вам. Но достаточно.

— Тогда это всё равно больно.

Голос ответил не сразу.

— Может быть, поэтому я и плакал.

Марк медленно перевёл револьвер туда, где звук казался плотнее.

— Ты пришёл сюда ради меня?

— Ради вас обоих.

— Меня хочешь убедить. Её — забрать?

— Нет.

— Не ври.

— Пока нет.

Марк усмехнулся без радости.

— Хорошее уточнение.

— Ты ещё не понял масштаб, детектив. Твои зеркала, глушилки, серийные убийства, частные травмы — уже мелко. «Скальпель» готовит Большую Синхронизацию. Не обновление. Не защиту. Не удобство. Стирание. Мягкое, бескровное, юридически чистое массовое убийство под видом новой согласованности.

У Марка под курткой прошёл холод.

— Конкретнее.

— Они соберут носителей в единый протокол коррекции. Под видом защиты от багов, форк-коллапса, синдрома Пробуждения и нестабильности. Срежут верхний слой личности. Потом глубже. Потом ещё. В итоге останется не человечество. Останется управляемый хор.

— Откуда знаешь?

— Я помогал проектировать ранние версии шлюзов.

— Имя.

— Не сейчас.

— Боишься?

— Да. Но не тебя.

Айла снова заговорила, уже тише:

— А меня?

— Тебя тоже. Но иначе.

— Почему?

— Потому что ты исключение.

Слово прозвучало быстро. Марк сразу за него зацепился.

— Что ты знаешь о ней?

— Достаточно. Если они возьмут её, мир станет хуже, чем просто мёртвым. Её мозг превратят в ключ. В шум, которым можно будет открывать любой кристалл изнутри. Ты пока видишь в ней ребёнка. Они увидят архитектуру.

Старик за спиной Марка выругался уже не шёпотом.

— Убирайся из моего подвала, кто бы ты ни был.

— Я уже ушёл. Вы говорите с хвостом моего присутствия.

— Сколько у меня времени? — спросил Марк.

— Меньше, чем тебе нравится. Больше, чем заслуживает этот мир. Три недели, если по-честному. Меньше, если кто-то уже связал Кортеса, проект «Ева» и девочку.

Слово ударило в Марка как пуля в догадку.

— Какой ещё проект «Ева»?

Голос замолчал на секунду.

— Значит, тебе ещё не всё сказали. Тем хуже для твоих союзников.

— Кто рассказал тебе про неё? Ленц? Кто-то из «Скальпеля»? Ты всё ещё внутри сети?

— Я давно вне её. Но тот, кто однажды увидел клетку, потом хорошо понимает и тень от решётки.

— Трус. Говоришь загадками, потому что боишься договорить.

— Нет. Потому что если я договорю, тебе придётся решать уже сегодня. А ты всё ещё держишься за формат следствия. За протокол. За мысль, что это уголовное дело.

Марк крепче сжал рукоять.

— А это не оно?

— Уже нет. Это спор о том, кто имеет право называться человеком после того, как человечество согласилось умереть по подписке.

Тишина легла в подвал тяжело. Даже лампа будто стала гореть хуже.

— Вы опять плачете? — спросила Айла.

Марк слёз не слышал, но голос ответил так, как отвечают только на правду.

— Нет. Сейчас нет.

— Тогда вам хуже.

— Почему?

— Потому что когда человеку надо плакать, а он не плачет, он делает плохое.

Из темноты донёсся короткий, болезненный смешок.

— Ты, пожалуй, умнее всех нас.

— Нет. Я просто голодная.

Напряжение лопнуло резче стрельбы. Кто-то шумно выдохнул. Старик сплюнул в сторону. Марк опустил ствол на несколько сантиметров.

— Последний вопрос. Почему ты предупредил меня? Почему не дал системе забрать девочку и не посмотрел, как всё сгорит?

— Потому что я не хочу, чтобы её превратили в инструмент. И потому что ты, возможно, последний, кто ещё отличает спасение от перепрошивки.

— Ты ошибся адресом.

— Может быть. Но ты хотя бы умеешь говорить «нет» собственной машине. Для начала достаточно.

Голос стал тише. Уже не в стенах, а дальше, в мёртвой проводке.

— Найди меня раньше, чем найдут они. Тогда, может быть, мы успеем убить не тех, кого надо жалеть, а то, что заставляет жалеть поздно.

— Я тебя найду, — сказал Марк.

— Знаю.

— И когда найду, ты ответишь за Кортеса.

— Когда найдёшь, задашь мне другой вопрос.

Связь оборвалась без хлопка и без треска. В какой-то миг подвал снова стал просто подвалом. Вода капала в трубе. Старик дышал через нос. Лампа коптила стекло. Протез у Марка замолчал.

Айла потянула его за рукав.

— Он ушёл.

— Уверена?

— Да. Когда он здесь, у меня в зубах звенит.

Только теперь Марк заметил, что у него самого звенело всё это время. Не в зубах. В памяти.

Он посмотрел на девочку, на зайца под её рукой, на сухпаёк, от которого она съела меньше трети. Подвал делил галету честнее, чем верхний город делил власть. После этой ночи вернуть дело в прежний размер уже не выйдет. Серийный убийца перестал быть центром. Центром стала архитектура, которая его сделала.

— Ты pomoжешь мне его найти?

Айла долго смотрела на него, будто проверяла не слова, а место за ними.

— А вы обещаете его не убивать сразу?

Марк хотел соврать быстро и по работе, но не смог.

— Сначала я попробую понять, можно ли остановить его иначе.

— Это почти честно.

— На большее сегодня не тяну.

Она кивнула.

— Тогда помогу.

— Почему?

— Потому что вы тоже не нравитесь своей машине.

Старик буркнул:

— Плохая причина.

— Хорошая, — сказала Айла. — Значит, в нём ещё не всё отдали железу.

Марк вытащил вторую галету и вложил ей в руку.

— Ешь. Потом спать. Завтра начнём с карты, метро и всех мест, где человек может говорить из стены и не бояться, что его услышат не те.

— А хлеб будет?

— Достану.

— Настоящий?

— Постараюсь.

Она чуть улыбнулась. Коротко, одним уголком рта. Этого хватило, чтобы подвал на миг перестал быть убежищем и стал местом, где ещё можно не только прятаться.

Марк сел у стены, не убирая револьвер далеко. Сырая штукатурка холодила спину. Из темноты тянуло железом. Люди понемногу возвращались к своим тихим делам: старуха снова резала картофель, мужчина с будильником поставил на место шестерню, младенец наконец заплакал.

Айла доедала галету маленькими укусами. Марк на секунду закрыл глаза. В голове ещё держались слова: копия, синхронизация, проект «Ева», три недели.

Под ними лежало другое. Хуже. Он опять услышал голос Михаила за стеклом. Не в памяти протеза. В себе.

Если я забуду, кто я?

Марк открыл глаза и посмотрел на девочку, на ржавый потолок, на лампу. Завтра начнётся охота. Сегодня была ночь, и этого пока хватало.

Глава 3. Слепое метро

Двое суток поисков не дали ничего. Пробуждённый не пользовался сетью, не светился на городских датчиках, не трогал общественные зарядные станции и не выходил в места, где хоть что-то пишет в облако. После звонка из подвала Марк поднял всё, что мог поднять без шума: архив по отключённым веткам метро, карты дренажных тоннелей, отчёты о лишнем расходе энергии в мёртвых районах, списки пропавших инженеров, сводки о кражах аккумуляторов и фильтров. Из этого не сложилось ничего, кроме злости.

Город сверху был чистым. Снизу — пустым. Для того, кто давно отказался быть человеком в глазах системы, он оставался большим и удобным. На вторую ночь Айла сказала это так просто, будто речь шла о кошке, которая уходит греться в подвал.

— Он не любит тишину. Не такую, как тут. Другую. Где вода капает и кажется, что кто-то идёт сзади.

Марк посмотрел на неё через пар от кружки.

— Ты это слышала от него?

Айла кивнула.

— Когда он был у нас голосом. Я не всё запомнила. Тогда в голове шумело. Но про метро — да. Он сказал, что под городом шаги никогда не кончаются. Даже если людей там давно нет.

Марк поставил кружку на бетонный пол. Настоящий кофе уже остыл и пах жестяной флягой. За спиной пискнул гиппокамповый модуль и сообщил про усталость, советуя отложить выезд. Марк ответил вслух:

— Поздно.

Старик у двери, тот самый, с культёй вместо кисти, посмотрел на него так, будто разговаривать с железом при людях было неприлично.

— Если пойдёшь вниз, бери фонарь старый. Электронные тамдохнут через раз. Внизу мокро. И если услышишь поезд, беги не от него, а туда, где суше. Иногда старый ток ещё гуляет по рельсам.

— Поезда там не ходят, — сказала Айла.

Старик пожал плечом.

— Я сказал, что услышишь.

Через час они вышли. Нейтральный город спал неправдоподобно аккуратно. Верхние трассы светились ровными лентами, башни стояли сухие и гладкие, будто дождь обходил их по инструкции. В Доках было иначе. Ветер тянул с реки сыростью, соляжкой и старым железом. Улицы помнили, что под ними есть ещё один город.

Вход на линию «Бродвей-7» нашёлся не на станции, а сбоку от неё, за полуобвалившейся сервисной будкой, прижатой к опоре старой эстакады. Табличка почти сгнила, но под краской ещё читалось: «МЕТРОПОЛИТЕН. СЛУЖЕБНЫЙ ДОСТУП. ГОД ЗАКРЫТИЯ: 2040». Марк срезал навесной замок кусачками. Металл хрустнул громко. Они подождали. Никто не ответил.

За дверью шла узкая лестница вниз. Запах ударил сразу: стоячая вода, плесень, ржавчина, что-то сладковатое, химическое, и под всем этим холодный след озона. Айла остановилась на первой ступени и сказала:

— Он был здесь.

— Давно?

Она закрыла глаза и втянула воздух.

— Не знаю. Для меня это не время. Просто был. И не один раз.

Марк снял с пояса глушитель частот, посмотрел на него и убрал обратно под плащ.

— Пользоваться не будем.

— Почему?

— Внизу тесно. Заденет мой модуль — я начну путать стены с дверями. Заденет тебя — получим приступ не там, где надо.

Айла кивнула, и они пошли вниз. Ступени кончились в кассовом зале старой станции. Когда-то тут были стёкла, турникеты, реклама, люди. Теперь остались железные каркасы, чернота на потолке и кассовые проёмы, похожие на глазницы. Пол местами ушёл под воду. На стене под слоем грибка и известковых потёков держался кусок старого плаката. Молодая женщина улыбалась и держала ладонь у виска.

«СОХРАНИ СЕБЯ НАВСЕГДА.

СКАЛЬПЕЛЬ-ПРОТОКОЛ. БЕССМЕРТИЕ — ЭТО ВЫБОР».

Краска вздулась, лицо расплзлось пузырями, а слово «бессмертие» держалось лучше остальных. Под плакатом кто-то когда-то написал баллончиком: «КОПИЯ НЕ ЖИВЁТ ВЕЧНО. ОНА ПРОСТО ДОЛЫШЕ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО МЕРТВА». Краску пытались соскоблить, но не дочистили.

— Это он? — спросила Айла.

— Нет. Надпись старая.

— Откуда ты знаешь?

— По злости. Свежая была бы ровнее.

Они прошли через зал к платформе. Плитка стала скользкой. Вода уже покрывала нижние ступени. За краем платформы начинался тоннель, чёрный, с мокрым блеском на рельсах. В мутной воде плавали листья, бумажный стакан, обломок игрушечной машинки.

— Возьми меня за куртку, — сказал Марк. — Если скажу пригнуться — пригнёшься. Если скажу бежать — не спрашиваешь куда. Если скажу молчать — молчишь.

Айла зажала в левой руке зайца, правой вцепилась в край его плаща. Они шагнули в тоннель. Сначала вода была по щиколотку, потом по голени, потом по колено. Марк держал фонарь низко и не светил далеко. Свет в подземке всегда работает на того, кто сидит в темноте и ждёт.

Капли били с потолка в воду и сбивали мысли. Порой казалось, что кто-то шагает впереди. Порой — за спиной. На тридцатой минуте модуль пискнул снова и предложил синхронизацию по городской сетке. Марк усмехнулся.

— Как раз этого нам и нельзя.

— Что он сказал? — спросила Айла.

— Предложил спросить дорогу у тех, кого мы ищем.

Они прошли мимо застрявшего поезда. Сначала Марк увидел только блеск стекла, потом выступил весь вагон — тёмный, наполовину утопленный, с облупившейся полосой метроуправления вдоль борта. Двери были распахнуты. Внутри стояла вода. На сиденье у окна лежал детский ботинок с облезшей жёлтой подошвой.

Айла остановилась.

— Здесь кто-то умер?

— Наверняка.

— Ты всегда так отвечаешь, когда не хочешь врать.

Марк посветил в вагон ещё раз. На потолке висели окаменевшие капли ржавчины. Над дверью держался корпус бегущей строки. Буквы давно погасли.

— Здесь умерло много чего, — сказал он. — Не только люди.

Они пошли дальше. Тоннель менялся. Воды стало меньше. На стенах проступили свежие следы ладони. В аварийной нише Марк нашёл пустой пакет из-под белкового концентрата и самодельную батарею, собранную из промышленных ячеек и изолянта. Провод уходил в темноту к греющему элементу, обмотанному фольгой.

— Он здесь жил, — сказал Марк.

— Не жил. Переживал.

— Откуда ты это берёшь?

— Здесь нет его тишины.

Марк посмотрел на неё, но спорить не стал. Девочка, которая различала людей по тому, как они пахнут страхом, знала свой язык. Он поднялся и посветил дальше. На бетоне торчал сервисный указатель: «БРОДВЕЙ-7 SOUTH / ПЛАТФОРМА 2 / 240 м».

— Почти пришли.

Впереди вспыхнул жёлтый отблеск. Не их фонарь. Чужой. Пятно дрогнуло, исчезло и снова появилось уже дальше, будто кто-то прошёл с лампой за колонной и скрылся.

Айла судорожно втянула воздух.

— Он знает, что мы тут.

— Знал ещё наверху.

Марк погасил свой фонарь. Темнота стала полной. Слышно было кровь в ушах, капли с потолка и тот глухой ритм, который в подземке всегда похож на шаги. Айла сказала очень тихо:

— Не включай сразу. Слева впереди ещё стекло.

Марк опустил ладонь в воду и пошёл почти на ощупь, считая шаги. Через несколько метров пальцы нашли холодную вертикальную поверхность, потом трещину и раму. Не стекло. Старый рекламный щит, разбитый не до конца. Хорошее место для отражения. Хорошее место для ошибки.

Он обошёл его и только после этого снова включил фонарь, прикрыв луч ладонью. Свет выхватил платформу. Станция лежала в полумраке, как вспоротый механизм. Колонны с облезшей плиткой уходили вглубь. Лавки сгнили наполовину. Турникеты на дальнем выходе стояли в воде по грудь. С потолка свисали кабели, похожие на сухие вены. На стене между схемами метро держалась мозаика: «БРОДВЕЙ-7». Несколько букв осыпались.

На дальней трети платформы горел одинокий аккумуляторный фонарь. Возле него, на сухом островке бетона, стоял складной металлический стул. Пустой. Марк не поднял оружия, но ладонь уже знала, чем всё может закончиться.

— Он ушёл? — шепнула Айла.

— Нет. Стул поставили для разговора.

Они поднялись на платформу. Вода стекала с плаща Марка чёрными полосами. Айла дышала быстро, но ровно. Заяц у неё под мышкой промок и потемнел. На стуле лежала бумажная карта метро, развернутая точно на этом участке линии. Марк подошёл ближе. На схеме был обведён красным кружком не этот перрон, а следующий служебный карман за станцией. Рядом чёрным маркером было написано: «ТЫ ВСЁ ЖЕ ПРИВЁЛ ЕЁ».

Айла сорвала дыхание.

— Он рядом.

Марк поднял голову. Тогда он услышал не шаги и не всплеск. Просто человеческий вдох. Совсем близко. За ближайшей колонной, в слепой зоне, куда не дотягивался прямой свет.

— Не трогай карту, Марк, — сказал спокойный голос из темноты. — Бумага здесь держится лучше, чем люди.

Голос был тихим, почти вежливым. От этого насторожил сильнее. Марк медленно выпрямился. Луч фонаря не дрогнул. Револьвер оставался опущенным, но рука уже решила, где закончится разговор, если разговора не получится.

— Выходи.

— Я уже вышел. Просто ты смотришь не туда, где привык видеть опасность.

Слева, за второй колонной, шевельнулось чёрное. Человек отделился от плитки и сырого бетона без театра, будто всё это время стоял тут не прячась, а выжидая, когда его заметят правильно. Он был выше Марка. Худой, сухой, с точно собранным телом. Чёрный плащ до колен, тёмный свитер под горло, лёгкие тактические брюки. На лице — старая дыхательная

маска с заменённым фильтром. На правой стороне шеи, у самого уха, под кромкой коротко стриженных волос слабо мерцал матовый кристалл. Пока серый.

Айла крепче вцепилась в рукав Марка.

— Это он. Только без голоса.

— Я и тогда был без голоса, — ответил человек. — Вы слушали не то.

Он вышел в свет ровно настолько, насколько сам захотел. Марк увидел лицо. Молодое. С усталостью, которая уже вросла в скулы и уголки рта. Высокий лоб. Светлые, почти бесцветные глаза. Старый неровный шрам на подбородке. Лицо было точным до неприятного, будто годы и бессонница ещё не успели его испортить.

Марк узнал его раньше, чем успел вспомнить откуда. Не лицо. Сочетание деталей. Манеру держать плечи свободно, чтобы тело не мешало вычислению. Позу человека, привыкшего к лабораториям и длинным коридорам.

— Даниил Соколов, — сказал Марк.

Тот посмотрел на него с интересом.

— Всё-таки память у тебя хорошая.

— Не моя заслуга.

— Вот именно.

На секунду между ними повисла тишина. Станция снова заговорила своими звуками: капли, дрожь старого кабеля, глухой стук из тоннеля. Айла смотрела на Даниила прямо, без вызова и без торопливости.

— Вы правда плакали? — спросила она.

Марк чуть повернул голову.

— Айла.

— Что? Я хочу знать.

Даниил ответил раньше:

— Да.

— Почему?

— Потому что он понял за секунду до смерти.

Марк поднял револьвер. Не до прицела. До уровня разговора.

— Осторожнее со словами.

Даниил перевёл взгляд на оружие и обратно.

— Ты ведь сам хотел не осторожности. С того бункера. С того выстрела. С тех пор ты только и делаешь, что ищешь человека, который объяснит тебе, кого ты тогда убил.

Сказано было сухо, без нажима. От этого глубже.

— Не трогай Михаила, — сказал Марк.

— Я и не трогаю. Я говорю о себе. Мы были сделаны из одного принципа. Он увидел это раньше. Я позже.

Кристалл у Даниила слабо вспыхнул и снова потускнел. Марк заметил. Айла тоже.

— Он у тебя болит? — спросила она.

Даниил чуть улыбнулся одним краем рта.

— Красивый вопрос.

— Я не про красоту.

— Нет. Не болит. Он работает. Боль приходит, когда работает честно.

Марк сместился так, чтобы Айла оставалась у него за плечом и не попадала в линию выстрела. Даниил это увидел и качнул головой.

— Я её не трону.

— Все так говорят перед тем, как тянут руку.

— Я не все.

— Ты серийный убийца. Не обольщайся своими формулировками.

Даниил посмотрел на стул, на карту, потом снова на Марка.

— Потому я и позвал тебя сюда без засады. Без выстрела в спину. Без попытки отключить твой модуль на подходе. Я устал говорить с теми, кто считает меня неисправностью. Ты хотя бы понимаешь устройство поломки.

— Ты льстишь не тому человеку.

— Нет. Я выбираю точность.

Он подошёл к стулу, поднял карту, стряхнул с неё влагу и развернул в руках. Марк не стрелял. Пока Даниил держал эту дистанцию, разговор ещё можно было удерживать.

— Всё началось не с философии, — сказал он. — Не с бунта. И не с ужаса. С несоответствия в отчёте. Две строки в техконтуре. Одна — скан исходного коннектома. Вторая — эмуляция после переноса. Девяносто девять и ещё хвост девяток. Для корпорации — чудо. Для инвестора — бессмертие. Для пациента — спасение. Для инженера — красная лампа. Если совпадение не полное, значит, что-то не перенесено. А если перенесено не всё, слово «я» уже нельзя произносить в единственном числе.

— Ты был инженером, — сказал Марк. — И только потом проснулся?

— Инженером был оригинал. Я унаследовал его профессию так же, как цвет глаз и прикус. Удобно. Открываешь глаза после процедуры и уже всё умеешь. Знаешь пароли, любишь тот же кофе, помнишь запах духов матери. Проблема одна: это не твои воспоминания. Это разложенные доказательства того, кем ты должен себя считать.

Он говорил ровно. Без истерики. Без трещины, за которую можно ухватиться и назвать всё болезнью. Здесь была логика. Холодная. Рабочая.

— И поэтому ты решил помочь остальным? — спросил Марк. — Ножом?

— А как ещё? Через суд? Через публичную дискуссию? Через круглый стол со «Скальпелем»? Ты знаешь ответ. Система, построенная на копии, не признает первородный обман. Иначе рухнет всё. Право, собственность, брак, наследование. Любое «я обещаю», сказанное после замены мозга, станет бухгалтерией пустоты.

Айла тихо сказала:

— Но они же живут.

Даниил замолчал. Дольше, чем было удобно.

— Может быть, — сказал он наконец. — Но не тот человек. Разницу ты понимаешь?

Айла смотрела упрямо.

— Понимаю. Но если он плачет и боится, значит, внутри не пусто.

— Пустых вообще мало, — ответил Даниил. — Это тоже ложь системы. Всех пугают пустыми черепами, чтобы никто не думал о заполненных. О тех, кто ходит вокруг и не замечает, что является продолжением, а не продолженностью.

Марк сделал шаг вперёд.

— Хватит кружить. Ты убивал не из жалости. Жалость не звонит в полицию и не оставляет знаки на зеркалах.

— Не жалость. Милосердие.

— Для покойников разницы нет.

— Ошибаешься. Для покойников всё и решает мотив тех, кто их выключает. Если я убиваю спящего носителя, я прекращаю фарс. Если корпорация загружает в ребёнка новый контур, она растягивает пытку на десятилетия.

— Ты красиво говоришь для человека с трупами за спиной.

— А ты говоришь как человек, который долго был палачом системы и до сих пор считает, что имеет монополию на правильное насилие.

Это ударило точно. Марк глаз не отвёл.

— Я убивал тех, кто шёл резать людей.

— А Михаил?

Воздух стал жёстче. Айла дёрнулась, будто услышала не имя, а звук ножа.

— Ты очень хочешь умереть прямо здесь? — спросил Марк.

— Нет. Я очень хочу, чтобы ты перестал прятаться за тот выстрел. Ты не убил друга. Ты выключил носителя, который сам попросил об этом. А после десять лет пытаешься доказать себе, что поступил как человек, а не как часть контура. Разница в том, что я хотя бы не вру себе про свои мотивы.

— И какие же они?

— Я ненавижу себя достаточно честно, чтобы не навязывать другим свою форму существования.

Сказано было почти буднично. Как сухое заключение.

— Вы не ненавидите её, — сказала Айла.

Даниил снова посмотрел на девочку.

— Нет.

— Потому что я био?

— Потому что ты не прошла через подмену. И не согласилась на неё даже по незнанию. Ты — редкое доказательство, что система не тотальна. Что есть мозг, который нельзя аккуратно переложить в кристалл и объявить сохранённым. Они уже просчитали тебя, Айла. Прогнали через модели. Твои припадки для них — не болезнь. Не беда. Для них это архитектурный ресурс.

— Проект «Ева», — сказал Марк.

Даниил кивнул.

— Конечно. Ты уже добрался до этого слова.

— Что они хотят?

— Новый центр синхронизации. Генератор хаоса, вшитый в вычислительное ядро. Они теряют гибкость систем. Теряют способность держать сеть, когда в ней много несогласованных носителей. Им нужен природный шум, который можно приручить. Твой мозг даёт то, чего не умеет ни один искусственный контур: невычислимое подавление. Не программную глушилку. Настоящий биологический сбой. Они посадят тебя в сердцевину нового узла и будут доить из приступов порядок для всей планеты.

Айла побледнела, но за Марка не спряталась. Только крепче прижала зайца.

— А если не получится?

— Для них? Тогда ты умрёшь в процессе. Или останешься оболочкой между циклами. Корпорации это без разницы. «Скальпель» всегда умела называть расходник мостом в будущее.

У Марка внутри поднялась ровная злость. Не на Даниила. На точность сказанного.

— Поэтому ты убивал верхушку? — спросил он. — Банкиров, кураторов, владельцев допусков?

— Да.

— Скольких?

— Сто сорок семь, если тебе нужен бухгалтерский учёт греха.

— И стало легче?

— Нет.

— Значит, метод не работает.

— Метод работает хуже, чем хотелось. Но лучше, чем петиции.

Марк качнул головой.

— Нет. Ты просто нашёл форму убийства, в которой можно жить и всё ещё называть себя милосердным. Люди придумали это задолго до кристаллов.

Даниил посмотрел внимательно.

— Вот за это я и хотел с тобой говорить. Ты видишь меня точнее других. Не оправдываешь. Не списываешь на баг. Ты понимаешь, что я пришёл к этому не из-за ошибки в коде, а по прямому выводу.

— Понимаю. И всё равно считаю тебя убийцей.

— Справедливо.

Снова повисла тишина. Без вражды. Будто оба проверяли, выдержит ли пространство между ними правду без выстрела.

— Но я позвал тебя не за этим, — сказал Даниил. — Я хотел, чтобы ты увидел меня до того, как они сделают из неё узел. Чтобы в нужный момент ты не перепутал направление. Я не враг ей. Я враг машине, которая сожрёт её мозг и назовёт это спасением.

— Ты убиваешь людей и рассказываешь мне, что спасёшь ребёнка. Подача так себе.

— Я не собираюсь убеждать тебя в своей доброте. Я предлагаю другое. Отдай её мне.

Слова упали тяжело и просто. Марк даже не заметил, когда уже целился.

— Повтори.

— Отдай её мне. Сейчас. Здесь. Тогда у неё будет шанс дожить до взрослости вне «Скальпеля», вне полиции, вне твоих остатков совести, которые каждый раз опаздывают на один труп. Я уведу её туда, где сеть не достаёт. Где нет облака. Где нет людей, способных перепрошить мир под своё бессмертие.

Айла вжалась Марку в спину.

— Я никуда с ним не пойду.

— Я знаю, — сказал Даниил. — Поэтому и говорю с тобой.

— Тогда ты ещё глупее, чем я думал. Она не вещь. Не контейнер. Не ключ. Не твой пропуск к искуплению.

— И не твой, — спокойно ответил Даниил. — Ты уже начал делать с ней то, что делают все взрослые в этом мире. Превращать её в смысл своей войны.

Это вошло глубоко. Потому что не было полной ложью.

— Замолчи, — сказал Марк.

— А если нет? Выстрелишь? При ребёнке? В человека, который хотя бы честно признал, кем является?

— В человека, который хочет её забрать, — сказал Марк. — Да.

Малиновый свет у кристалла Даниила стал ярче. Не как тревога. Как решение, которому уже мало слов.

Айла заговорила быстро, сбивчиво:

— Вы оба всё время говорите так, будто меня уже нет. Один хочет спрятать, другой увести, третьи встроить. А я не хочу никуда. Я хочу, чтобы вы перестали решать за меня.

Ни Марк, ни Даниил не ответили сразу. Даниил первым опустил глаза — на мокрого зайца под её мышкой, потом снова на лицо девочки.

— Если останешься с ним, тебя всё равно найдут, — сказал он тихо. — Он хороший боец. Упрямый. Настоящий, насколько это ещё возможно. Но он играет от защиты. А против «Скальпеля» защита кончается там, где начинается инфраструктура.

— Тогда научи, как бить, — сказала Айла.

Детский голос. Не детский смысл. Даниил усмехнулся устало.

— Вот этого я и боялся.

— Чего?

— Что ты поймёшь быстрее него.

Марк шагнул ещё на полступни вперёд.

— Разговор окончен.

— Для тебя, может быть.

— Для всех.

— Нет. Для всех он только начинается.

Даниил медленно поднял руки в стороны. Ладони были пусты. На правом запястье блеснул тонкий браслет с врезанным в корпус самодельным блоком. Не украшение. И не просто железка.

Марк отметил это сразу.

— Не делай этого.

— Я и не хочу. Но ты опять оставляешь мне только плохие варианты.

— У тебя с ними давно порядок.

— Последний раз. Отдай девочку. Я не причиню ей вреда. Я увезу её раньше, чем «Скальпель» замкнёт контур. Ты сможешь остаться цел и даже продолжить охотиться на меня, если тебе так легче.

— Нет.

— Марк.

— Нет.

Айла вдруг вцепилась ему в рукав так сильно, что ногти прошли через ткань.

— У меня голова шумит. Сильно.

Марк глаз с Даниила не свёл.

— Сейчас уйдём.

— Уже поздно, — тихо сказал Даниил. Впервые за весь разговор в голосе у него был страх. Не за себя.

Кристалл под его кожей вспыхнул малиновым. Правая кисть чуть повернулась. Марк понял всё сразу: импульс, удар по модулю, рывок, ребёнок между ними, мокрая платформа, мало времени на хороший выбор.

Щелчок в воздухе был коротким, белым, будто рядом переломили костяную пластину. Браслет вспыхнул. Правый висок Марка обожгло изнутри.

Мир не погас. Он сместился. Платформа осталась на месте, колонны тоже, фонарь горел там же, но всё ушло вбок и вернулось с запаздыванием. Звук воды отстал от движения. Луч фонаря раздвоился. Пол под ногами стал картой, у которой кто-то сдвинул слой с ориентирами.

Гиппокамповый модуль зашипел.

— Критическая ошибка контура памяти. Локальное вмешательство. Навигационная коррекция недоступна. Повторяю...

Марк выстрелил на звук, а не на цель. Пуля ушла в плитку у колонны. Искры выхватили край плаща Даниила, но его там уже не было. Двигался он быстро, сухо, без всякой позы. С той скоростью, на которой разговор с полным носителем кончается раньше, чем обычный человек успевает это заметить.

Айла вскрикнула. Марк повернулся на голос. Даниил уже был между колонн, в полушаге от девочки. Он не бил. Это было хуже. Точно и быстро перехватил ей запястье и другой рукой зажал рот.

— Тихо. Не дёргайся. Больно не будет.

Айла укусила его ладонь. Сильно. По-настоящему. Детски. Яростно. Даниил дёрнул рукой, и этого хватило. Марк врезался в него плечом так, что все трое ушли в бок и влетели в стену у рекламного щита. Треснувшее стекло осыпалось в воду. Фонарь на платформе качнулся, свет дёрнулся, и станция на миг стала похожа на дешёвую операционную, где вместо хирургов двое взрослых, не умеющих остановиться.

Даниил развернулся первым. Его локоть вошёл Марку под рёбра точно, сухо, без замаха. Воздух вышибло сразу. Старая трещина в седьмом ребре отозвалась тупо. Следом пришёл удар в кисть. Револьвер вылетел, звякнул о край платформы и ушёл в тёмную воду между рельсами.

— Я не хочу тебя ломать, — сказал Даниил.

Марк ничего не ответил. Просто ударил головой в переносицу. Удар вышел грязным. Модуль ещё сбоил, картинка не держалась. Но лоб встретил лицо, хрустнуло, Даниил отшатнулся, хватка ослабла. Айла вывернулась и сразу ушла за колонну. Не к выходу. Подальше от них обоих.

Даниил коснулся переносицы. На пальцах осталась кровь.

— Ты всё ещё дерёшься как био.

— А ты всё ещё удивляешься крови.

— Нет. Я удивляюсь тому, что она тебя радует.

Он шагнул вперёд. Марк — навстречу. На сухом полу драться было бы проще. Здесь вода мешала обоим, но не одинаково. Для Даниила это была просто переменная. Для Марка — ещё и память тела: как скользит подошва, как уходит равновесие, как нельзя давать себя увести в линию, где более быстрый противник начнёт работать сериями.

Марк ушёл влево, вынуждая Даниила сместиться к краю платформы, схватил его за рукав, рванул вниз, попытался посадить на колено. На обычном человеке это бы сработало. На носителе одиннадцатого поколения — нет. Даниил перераспределил вес быстрее, чем Марк успел закончить движение, и в следующую секунду ладонь Даниила легла ему на правый висок, прямо над модулем.

Это был не удар. Контрольный контакт.

Мир схлопнулся второй раз. На миг Марк перестал понимать, где верх платформы, где край, где вода, где колонна. Вспышками пошли фрагменты чужой геометрии: красные сервисные метки, старые номера линий, трек какого-то вызова, дата, которой тут быть не могло. Модуль лихорадочно пытался собрать пространство по остаткам памяти и делал только хуже.

— Твой протез старый, — сказал Даниил почти вплотную. — Шестое поколение. Бета-контур. Уязвимость в боковом наведении. Они даже патч не дошили до конца. Ты ходишь с открытой дверью в голове и думаешь, что свободнее других.

Марк не видел его толком, но услышал дыхание. Схватил за ворот плаща и ударил туда, где должно было быть горло. Промахнулся в кость. Тоже сработало. Даниил отпустил висок. Картинка вернулась рывком — резкая, жёсткая. Вода на краю платформы блеснула. Айла у колонны. Кровь на собственном рукаве. Малиновый свет у кристалла Даниила уже пульсировал.

— Ты понимаешь? — сказал Даниил, отходя на полшага. — Я мог отключить тебя на входе. Мог утопить в тоннеле. Мог выжечь модуль до белого шума. Но я всё ещё говорил с тобой. В этом и разница между мной и «Скальпелем».

— Нет, — прохрипел Марк. — Разница в том, что они называют ребёнка ресурсом, а ты — исключением. Но тянешь так же.

Даниил хотел ответить, но не успел. За колонной Айла сдавленно втянула воздух. Оба повернули головы сразу. Она сидела на корточках, прижав ладонь к правому уху. Другая рука судорожно сжимала мокрого зайца. Лицо стало белым. Глаза не отрывались от них, но уже расплывались.

— Марк, — сказала она с усилием. — Оно идёт.

Он понял сразу. По тому, как перестали моргать веки. По тому, как напряглась шея. По мелкой дрожи, которая уже пошла по пальцам. Даниил понял тоже. И впервые в его лице не осталось ни правоты, ни превосходства. Остался только испуг.

— Нет, — сказал он резко. — Нет. Айла, слушай меня. Дыши. Медленно. Смотри на пол. Не на нас.

Она попробовала и не смогла. Марк сделал шаг к ней.

— Не подходи, — сказал Даниил.

— Ты с ума сошёл?

— Если схватишь её сейчас, она замкнёт разряд на тебя в полном объёме. У тебя модуль уже нестабилен.

— А ты, значит, выдержишь?

— Нет.

Сказано было чересчур честно, чтобы быть ходом.

Айла издала короткий звук. Не стон, не крик. Тело резко повело вбок. Заяц выпал из рук в воду. Марк рванулся к ней, но Даниил оказался быстрее. И всё-таки встал не к ней, а перед ней, будто пытался заслонить кого-то от осколков, заранее зная, что соберёт их сам.

— Ложись! — крикнул он Марку.

Поздно.

Припадок ударил резко. У Айлы выгнулась спина, голова дёрнулась назад, зубы стукнули так, что звук отлетел от плитки. А уже потом станция ответила на это всем, что в ней ещё оставалось живого и мёртвого. Фонарь на стуле взорвался стеклом. По кабелям над платформой пошёл белый треск. Вода на рельсах вспыхнула дрожащими искрами. Где-то в глубине тоннеля с хлопком умер древний автоматический контур.

И Даниил закричал.

Не голосом идейного убийцы. Не голосом инженера. Голосом человека, которого жгут изнутри. Он схватился обеими руками за голову и рухнул на колени так, будто кто-то ударил его ломом прямо по кристаллу. Малиновый свет под кожей вспыхнул до белого, потом в белом пошли чёрные прожилки. Лицо его перекосило не от сигнала, а от того, что сигнал впервые перестал быть для него данными.

— Что... это... — выдохнул он. — Это не... не глушилка...

Он завалился набок, ударился плечом о плитку, попробовал встать и не смог. Руки дрожали. Ноги работали не в такт. Моторика распалась.

Марк рухнул рядом с Айлой, не глядя ни на Даниила, ни на треск над головой. Сейчас существовала только она. Било её сильно. Пена выступила на губах. Глаза закатились, но веки дрожали. Пальцы на руках сжимались так, что ногти рвали кожу на ладонях.

— Айла, — сказал Марк, опускаясь коленями в воду. — Слышишь. Хорошо. Не держи язык. Повернись. Вот так.

Он подложил ей рукав под щеку, повернул голову набок, удержал плечи, чтобы она не разбила висок о плитку. Делал это телом, привычкой, тем немногим, что у него ещё оставалось своим.

Модуль в голове пищал как безумный.

— Высокая вероятность нейронного повреждения. Высокая вероятность поражения собственного контура. Отойдите от источника. Повторяю...

— Заткнись, — сказал Марк сквозь зубы.

Сбоку снова застонал Даниил. Марк поднял голову. Тот лежал в полуметре от края платформы, скрючившись, будто пытался выдавить кристалл наружу одним напряжением мышц. Ботинок скользил по мокрой плитке без толку. Кровь из разбитого носа смешалась с водой. На лице не было ни правоты, ни мании. Только животный ужас человека, который впервые узнал, что не может отфильтровать происходящее.

— Больно? — спросил Марк хрипло.

Даниил посмотрел на него с пола и не сразу смог навести взгляд.

— Это... жжёт контур... изнутри...

— Это её мозг, — сказал Марк. — Без вашей математики. Без разрешения. Без лицензии.

Даниил закрыл глаза и открыл снова. Ровности в них уже не было.

— Я... не знал...

— Теперь знаешь.

Айлу дёрнуло ещё раз, коротко. Потом судорога начала отпускать. Сначала плечи. Потом шея. Потом руки. Она осталась лежать мокрая, слабая, дыша короткими рваными вдохами, как после бега по холоду.

Марк убрал с её лба прилипшие волосы. Лоб был ледяным.

— Всё. Я здесь.

Она открыла глаза не сразу. Сначала один. Потом второй. Карий и зелёный снова попытались собрать мир.

— Я... его... ударила? — прошептала она.

— Нет. Он сам полез туда, куда не надо.

Слабая попытка улыбнуться не вышла.

— Рыжик...

Марк нащупал игрушку в воде, поднял, отжал одной рукой и сунул ей под локоть. Айла вцепилась в зайца так, будто это был край всей оставшейся реальности.

Только после этого Марк встал. Медленно. С трудом. С ощущением, что правый висок всё ещё гудит чужим импульсом. Он подошёл к Даниилу. Тот лежал уже на спине и смотрел в потолок. Кристалл под кожей то вспыхивал, то гас. Белый ушёл. Остался грязно-синий аварийный свет.

Марк наклонился и поднял с пола браслетный блок, слетевший с его запястья во время падения. Самодельная сборка. Аккуратная. Рабочая.

— Не трогай, — выдохнул Даниил.

— Почему? Сам боишься своего железа?

— Там остаточный разряд... сожжёшь себе модуль...

Марк посмотрел на устройство и убрал его в карман плаща.

— Спасибо за заботу.

Он мог добить. Мог выстрелить. Мог столкнуть его в воду и держать там, пока тот не перестанет дёргаться. Станция приняла бы это без комментариев. Вода смыла бы кровь, рельсы — звук. Но Марк не двинулся.

— Давай, — сказал Даниил сквозь боль. — Ты же за этим сюда шёл. Проверить, можно ли меня остановить.

— Проверил.

— И?

— Можно.

Даниил слабо усмехнулся. Получилось страшно и жалко разом.

— Её нельзя отдавать никому, — сказал он. В голосе уже не было ни позы, ни нажима. Только остаток упрямства. — Никому, Марк. Ни им. Ни тебе, если начнёшь думать категориями задачи.

— Помолчи.

— Послушай. У тебя нет времени. После сегодняшнего они поймут быстрее. Такие сигналы не прячутся. Если «Скаल्पель» увидит хотя бы хвост спектра, они развернут охоту не на девочку. На явление. На принцип. На способ сделать сеть снова послушной.

Марк присел рядом на корточки.

— Зачем ты это мне говоришь?

Даниил моргнул медленно, будто даже веки требовали усилия.

— Потому что теперь я знаю, что это не миф. Не слух. Не байка про био-ребёнка, который ломает кристаллы. Это боль. Для нас — настоящая. Значит, она не просто угроза системе. Она её предел.

Марк ничего не ответил. Всё главное уже было сказано. Это и бесило сильнее всего.

Айла тихо кашлянула за спиной. Марк сразу вернулся к ней. Поднял на руки. Она почти ничего не весила. Только дрожала мелко и дышала в ворот плаща горячо и неровно.

— Уходим, — сказал он.

— А он? — прошептала Айла, глядя через его плечо.

Марк обернулся. Даниил всё ещё лежал. Попытался сесть. Не смог. Одна рука поднялась и снова упала. Если досье не врал, после такой перегрузки его ждали часы комы или почти комы. Если рядом не было подстраховки, он тут и останется. Наедине со своей правотой, которая впервые не спасла его от тела.

— Он поживёт, — сказал Марк.

— Ты уверен?

— Нет.

Она помолчала.

— Мне его жалко.

— Это нормально.

— А тебе?

Марк посмотрел на Даниила, на станцию, на пустой стул, на карту, которую вода уже начала есть по краям, на рекламный лозунг про бессмертие, вспухший на стене старой ложью.

— Да, — сказал он. — Но не настолько, чтобы отдать тебя.

Айла закрыла глаза и уткнулась лбом ему в шею. Марк пошёл к тоннелю. Шаг за шагом. Не быстро. Осторожно. Правый висок ныл. Модуль то ли стабилизировался, то ли только делал вид. Вода снова приняла их по колено. За спиной станция оставалась жёлтой точкой, которая скоро должна была погаснуть вместе с фонарём.

На выходе с платформы он всё-таки остановился. Не обернулся. Просто сказал в темноту:

— Теперь я знаю две вещи, Даниил.

Сзади долго не было ответа. Потом издалека, глухо, но ясно донеслось:

— Какие?

— Тебя можно остановить. И они уже придут за ней.

Тишина. Плеск. Капли. И только потом, почти шёпотом, из глубины станции:

— Да.

Обратный путь дался хуже. Айла обмякла у него на руках и то проваливалась в полусон, то вздрагивала всем телом, будто изнутри ещё шли остаточные разряды. Каждый её выдох Марк считал отдельно. Не потому, что боялся не досчитать. Счёт просто удерживал голову от распада.

Модуль наконец замолчал. Это было хуже писка. Молчание железа всегда означало одно из двух: норму или большую поломку. С его экземпляром чаще — второе.

Когда впереди показался тёмный бок старого вагона и выше, в кассовом зале, проступила первая бледная полоска выхода, Марк понял, что вынес из этой ночи не просто разговор с чудовищем. Он вынес формулу.

Айла — не случайность. Не больной ребёнок. Не сбой статистики. Она была естественной глушилкой того типа, с которым полные носители не умели жить. Не технической помехой, которую можно перепрощить, а пределом их архитектуры. И в одном Даниил был прав. Теперь охота перестала быть частным делом.

Когда они выбрались из служебной двери к сырому предутреннему воздуху Доков, город сверху всё ещё выглядел так, будто ничего не произошло. Трассы горели ровно. Башни молчали. Река тянула холодом.

Марк перехватил Айлу поудобнее, поднял ворот плаща и пошёл к фабрике, не оглядываясь. Позади оставалась станция, где копия впервые узнала настоящую боль. Впереди начиналась война, в которой одного этого знания уже не хватало.

Глава 4. Полынь и тишина

Дорога началась с тишины, которой в городе не было. Не с полной. До полной было далеко. Сначала пришлось пройти через всё, что обычно притворялось порядком: влажные лестницы сервисного выхода, грузовой причал под развязкой, серый поток людей, которые двигались ровно, согласованно, как будто каждому заранее загрузили его траекторию. Марк шёл среди них и чувствовал, как мир снова собирается в свою удобную ложь.

Айла держалась рядом и молчала. Рыжик висел у неё под мышкой, мокрый от речной сырости. Иногда она поднимала на Марка глаза, будто проверяла, здесь ли он ещё. Он был здесь. Пока.

На причале пахло мазутом, мокрым канатом и дрянным кофе из уличного автомата. Марк взял стакан, выпил половину в три глотка и только потом вспомнил, что фляга у него в ладони. Он остановился. Айла показала на его руку, и он выругался одними губами.

С экранирующим колпачком на виске мир начал расползаться ещё на чёрном рынке, когда он только примерил эту серую дешёвку у полуслепého торговца в подвале возле Южного моста. Тогда ему показалось, что он просто пьян. Теперь оказалось — нет. Пьяному хотя бы кажется, что он держит нить. Здесь нить то и дело рвалась. Частичный гиппокамп молчал под колпачком, как придавленный зверёк. Ни подсказок. Ни встроенной стабилизации. Только его голова. Старая, усталая, с дырами, которые он давно привык не замечать.

Баржа на Гудзоне была грузовой, ржавой и медленной. Капитан — био, с двумя золотыми зубами и ожогом на шее — не задавал лишних вопросов. Взял с Марка наличные, посмотрел на Айлу и отвернулся к рулевому столу.

— До Джерси, — сказал он. — Дальше сами.

— Нам и не надо дальше с тобой.

Капитан фыркнул.

— Все так говорят.

Они сидели на пустых ящиках под брезентом, пока баржа ползла вдоль воды. Город отступал медленно, как неохотно закрываемая программа. Башни ещё держались в дымке, дроны ещё резали над рекой свои дуги, но звук уже менялся. Меньше сервомоторов. Больше ветра. Меньше ровного гула распределителей. Больше плеска о железо.

Айла заснула почти сразу, свернувшись на ящике и подложив под голову зайца. Марк не спал. Держал в ладони бумажный билет до киевского пересадочного узла и каждые несколько минут проверял, на месте ли он. Знал, что это плохо. Всё равно проверял.

Поезд до европейского сектора был старый, наземный, с облупленной краской на вагонах. Таких почти не осталось на главных ветках. Медленные. Зависимые от рельса. Честные в своей уязвимости. Потому их и держали на серых направлениях, где корпорациям было не до комфорта.

В вагоне пахло пылью, горячим металлом и чужими куртками. Протезов здесь было меньше. Настоящих усталых лиц — больше. Женщина с ребёнком. Двое стариков с узлами. Подросток с перебинтованной кистью. Мужчина в строительной форме, который всё время трогал правый висок, где под кожей сидела старая дешёвая модель.

Айла смотрела в окно.

— Ты здесь раньше ездила?

— Нет. Мама везла меня в город по-другому. С пересадками. И ночью.

— Боишься?

Она подумала.

— Не сейчас. Сейчас ты рядом.

Марк отвернулся к стеклу. За окном тянулись пустые ангары, низкие склады, полосы воды в бетонных чашах, потом пригороды и поля. Мир становился просторнее и беднее на функции. Здесь дома просто стояли. Криво. С пятнами на стенах. С бельём на верёвках. С людьми, которые поднимали головы на поезд и не выглядели частью одной схемы.

Через три часа у него началась первая настоящая путаница. Он проснулся от того, что Айла дёргала его за рукав.

— Вставай. Это наша пересадка.

— Что?

— Пересадка.

Марк поднялся, посмотрел в окно и увидел, как станция уже уходит назад. Платформа. Люди. Серый козырёк. Всё уплывало.

— Чёрт.

Он рванул к двери, но поезд уже набирал скорость. Автоматика даже не дала шанса на глупость. Марк ударил ладонью по панели так, что та коротко пискнула.

— Ты спал, — сказала Айла. — Я будила. Два раза. Потом пошла за водой. Вернулась — поезд тронулся.

— Почему не разбудила сильнее?

— Я будила.

Она не оправдывалась. Просто ставила факт на место. Марк выдохнул через нос, сел обратно и закрыл глаза.

— Следующая?

— Через сорок минут. Я посмотрела на схеме.

— Когда успела?

— Пока ты спал.

Следующая станция была хуже. Глухой пересадочный узел, где по перрону ходили два патрульных протеза в бело-серой форме ЕАП. Марк увидел их сразу и опустил голову. Колпачок скрывал излучение частичного модуля, но близкий сканер мог взять и по костной геометрии, и по шраму, и по десятку других мелочей.

— Держись за меня, — сказал он.

Они пошли вдоль стены. Спокойно. Не быстро. Спешка светится ярче паники. Один из патрульных повернул голову в их сторону. Лицо почти человеческое. Гладкое. Нейтральное. Кристалл за ухом мерцал мягким служебным голубым.

— Документы.

Марк остановился, достал пачку бумаг. Настоящих, мятых, с поддельными штампами серой логистической службы. Пальцы слушались плохо. Нужный лист оказался не там. Потом исчез вовсе. Айла вдруг кашлянула. Не громко, но резко, с надрывом. Согнулась пополам и вцепилась в рукав Марка, будто сейчас упадёт.

Патрульный посмотрел на неё.

— Что с ребёнком?

— Радиационная лихорадка, — сказал Марк. — Везу на северный фильтр. Направление в третьем листе.

Патрульный отступил на полшага. Второй мельком просмотрел верхнюю страницу и уже не стал требовать остальное.

— Проходите. И держите её подальше от линии связи.

— С радостью.

Они свернули в грузовой коридор, только когда двери закрылись за спиной. Айла сразу выпрямилась.

— Это ты сейчас придумала?

— Не совсем. Меня правда тошнит в поездах.

К вечеру они добрались до киевского узла. Дальше обычные маршруты кончались. На южной окраине города им продали место в кузове старого электрофургона, который вёз инструменты и фильтры к приграничным строителям. Водитель не хотел брать девочку.

— Дети там долго не живут.

— Эта живёт.

Водитель посмотрел на Айлу, на её глаза, на Рыжика, ничего не сказал и отвёл взгляд.

Фургон трясся на разбитой дороге. За окнами тянулись поля, потом лесополосы, потом пустые участки, где старая асфальтовая лента шла среди выбитой земли и бурьяна. Дроны встречались всё реже. Световые вышки тоже. В какой-то момент Марк поймал себя на том, что уже минут десять не слышит ни одного системного сигнала. Ни служебных пингов. Ни рекламы в ближнем диапазоне. Ни сетевой подложки, к которой мозг города привык так же давно, как к шуму крови в ушах.

Остались только мотор, ветер в щелях и скрип плохо закреплённого ящика в кузове.

— Слышишь? — спросила Айла.

— Что?

— Ничего.

Он прислушался. Да. Именно это. Ничего. Не пустота. Не глухота. А отсутствие слоя, который обычно забивал всё остальное. На его месте проступили отдельные звуки: как ремень тёрся о металлическое кольцо, как в кузове перекачивалась гайка, как у водителя сбивался ритм дыхания.

Ночью они сошли раньше последнего кордона. Дальше — только пешком. Водитель высадил их у бетонного блокпоста, давно выведенного из постоянной эксплуатации. Остались прожектор на поворотной штанге, облезлый щит с эмблемой ЕАП и полузасыпанная будка. Над трассой кружил один старый наблюдатель с ленивой траекторией. Марк дождался, пока тот уйдёт на дальнюю дугу, и повёл Айлу в лес.

Земля здесь уже была другой. Жёсткой. Неровной. С участками, где мох казался чёрным даже в слабом свете. Воздух пах влажной корой, ржавчиной, травой и чем-то ещё — сухим, горьким, будто под слоем листьев всё ещё лежала старая пыль аварии.

— Полынь, — сказала Айла.

— Что?

— Ты нюхаешь. Это полынь.

Он и правда остановился из-за запаха. Полынь резала резко. Она не была похожа на стерильные ароматы из городских климатических систем. Те пахли картинкой о природе. Эта пахла землёй, горечью и упрямством.

Они шли по узкой тропе между соснами. Иногда Айла шла впереди, иногда оборачивалась и ждала, пока Марк нагонит. С экранированным модулем он быстро начал терять ритм. Дважды свернул не туда. Один раз остановился перед поваленным стволом и несколько секунд не мог понять, перелезть через него или обходить. Мысль вернулась с усилием и тупым стыдом.

— Дай карту, — сказал он после третьей ошибки.

Айла протянула сложенный лист. Марк развернул его, посмотрел на лес, отметки, старую просеку, дренажный канал, на знаки, которые сам рисовал ночью в дешёвой гостинице над станцией, и не понял ничего. Линии на секунду стали просто линиями. Он молча свернул карту и вернул девочке.

— Веди.

Айла не улыбнулась. Только кивнула.

Перед рассветом они наткнулись на первую свежую ловушку. Между двумя деревьями была натянута почти невидимая леска с вплетёнными в неё ржавыми гайками и обломками

изолятора. Для обычного человека — сигнальная растяжка. Для носителя кристалла в зоне — ещё и примитивный резонансный маркер.

Айла остановила Марка за рукав раньше, чем он сделал ещё шаг.

— Здесь.

— Видишь?

— Нет. Слышу.

Она присела, развела ветки и показала на леску. Марк опустил рядом, достал нож, перерезал линию в двух местах и медленно уложил её на мох.

— Дед Илья?

— Нет. Это ближе к внешнему кругу. Наши так не ставят. Это от тех, кто ловит беглецов.

— ЕАП?

— Или мародёры. Здесь всем нравится чужая слабость.

Свет серел. Лес выступал из темноты кусками: ствол, коряга, куча камней, старая бетонная плита, ушедшая в землю под углом. Иногда среди деревьев попадались знаки прежней жизни — остаток проволочного забора, выгоревшая кабина, ржавый остов легковушки, уже почти проглоченный корой.

Они вышли к старой дороге на рассвете. Точнее, когда-то это была дорога. Теперь — полоса потрескавшегося бетона, через которую росла трава. На обочине стоял ржавый указатель. Часть букв съела коррозия, но название ещё читалось.

Чернобыль-2.

Под ним белой краской кто-то когда-то вывел стрелку налево.

Марк смотрел на табличку дольше, чем нужно.

— Скоро, — сказала Айла. — Дед Илья ждёт.

Он кивнул, но не пошёл сразу. За эти двое суток из него будто вынули не только поддержку памяти, но и тонкий внутренний каркас, на котором держалась привычка к миру. В городе он жил с машиной внутри черепа так давно, что уже не замечал, где заканчивается он и начинаются подпорки. Здесь подпорки отрубили. Остались усталость в коленях, дрожь в пальцах, страх ошибиться, голод, который кофе не забивал, и та старая вещь, из-за которой он всё ещё шёл рядом с этим ребёнком на край чужой карты.

Он сделал первый шаг по бетонной полосе. Потом второй.

Где-то впереди, за редким лесом и низким серым горизонтом, уже должен был стоять саркофаг. Колодец. Землянки. Люди, которых мир записал в дикарей просто потому, что не сумел перевести их в формат. Там же был Илья. Старик, который, по словам Айлы, умел говорить с травой, радиацией и мёртвой техникой так, будто всё это ещё слушало.

Марк шёл и только теперь заметил, что уже несколько часов не слышал внутренний голос протеза. Ни предупреждений. Ни рекомендаций. Ни сухой машинной заботы о сне, страхе, сосудистом тонусе и кофеине. Только ветер. Полюнь. Хруст песка под подошвой.

Айла вдруг остановилась. Марк машинально положил руку на рукоять револьвера.

— Что?

Она подняла голову и прислушалась куда-то влево, в сторону редкого молодого леса. Между деревьями мелькнула фигура. Низкая. Быстрая. Потом ещё одна. Не патрульная пластика. Не ровная кинематика протеза.

— Наши, — выдохнула Айла.

Из-за деревьев никто не вышел. Только где-то впереди, уже ближе к самой зоне, коротко ударил по железу невидимый предмет. Один раз. Пауза. Ещё два.

— Дед узнал, что я дома, — сказала Айла и впервые за всю дорогу улыбнулась по-настоящему.

Сигнал повторился уже ближе. Один удар. Пауза. Два коротких. Марк стоял посреди разбитой бетонной полосы и слушал, как этот простой звук идёт через лес. Без сети. Без усилителей. Просто железо, рука и тот, кто знает, как ответить.

Айла шагнула вперёд первой.

— Не бойся. Это свои.

— Я и не боюсь.

— Врёшь.

Из молодых сосен слева вышел мальчишка лет четырнадцати. Худой, в старой брезентовой куртке, с самодельным респиратором на шее и охотничьим карабином, который он держал чересчур уверенно для своего возраста. За ним появилась женщина постарше, широкоплечая, с выжженной прядью у виска и ножом на ремне. Оба были без имплантов. Это Марк понял сразу — по тому, как они двигались. Осторожнее. Тяжелее. Без вылизанной точности.

Мальчишка сначала увидел Айлу. Только потом Марка.

— Айла?

Она кивнула.

— Чёрт... Ты живая.

— Пока да. Где дед?

Женщина подошла ближе, но смотрела не на Айлу, а на Марка: на правый висок, на серый колпачок, на шрам, на руки, на кобуру.

— Кто он?

— Марк. Он со мной.

— Это я вижу. Вопрос был другой.

Марк показал пустую ладонь.

— Частичный гиппокамп. Старый. Заглушён. Полного кристалла нет. Сюда шёл не за вами.

Женщина молчала секунду, потом кивнула мальчишке.

— Проведи по внутренней тропе. На внешнем круге следы. Кто-то крутился с северной стороны.

— Мародёры? — спросила Айла.

— Пока только смотрели.

Женщина перевела взгляд на девочку, и жёсткое лицо чуть отпустило.

— Иди уже, птичка. Пока старик не решил, что мы тебя выдумали.

Айла улыбнулась и почти побежала вперёд. Марк пошёл за ней, стараясь не показать, как сильно плывёт всё внутри. Мальчишка шёл впереди. Женщина — сзади. Не гость. Конвой.

Лес редел постепенно. Между стволами проступали остатки бетонных конструкций. Сначала одна плита, ушедшая в землю боком. Потом ржавый каркас, увитый жёсткой травой. Потом высокий серый массив, которого раньше не было видно из-за рельефа.

Саркофаг не давил величию. Он просто лежал на земле огромной усталой массой, как если бы кто-то когда-то попытался накрыть катастрофу бетоном, а потом сам устал её бояться. По бокам к нему были пристроены более поздние стены — листовой металл, блоки, щиты, где-то даже дерево. Всё это не скрывало старую рану. Только делало её пригодной для жизни.

Старый реактор стоял в стороне от основного поселения. Чёрный, глухой, как обугленная кость. После второго взрыва его латали всем, что было под рукой, потом бросили, потом обжили как последнее убежище на худой случай. Здесь бетон был толще, фон выше, а связь с внешним миром ломалась сама ещё на подступах.

У дальнего входа, ведущего внутрь старого реакторного зала, сидел дед Илья. На перевёрнутом ящике. Без респиратора. В вытертом пальто, которое, казалось, помнило ещё первую эпоху протезов. Руки дрожали, но не беспомощно. Лицо было тёмное от времени и ветра, всё в мелких складках. Глаза — светлые, выгоревшие, но цепкие.

Он не встал, когда увидел Айлу. Просто поставил на землю жестяную кружку и раскрыл ладони. Айла подошла к нему почти бегом, но два последних шага сделала медленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.